
Вадим Климов
СТО РОЖ АВГУСТ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Вадим Климов

Сторож Август

«Автор»
2026

Климов В. А.

Сторож Август / В. А. Климов — «Автор», 2026

Производственный роман о буднях охраны оборачивается мистическим триллером, социальной сатирой и философской драмой о поколении, застрявшем между великим прошлым и туманным будущим. А приложенное «досье ФБР» с тремя противоречивыми протоколами допроса ставит под сомнение саму возможность истины. Где кончается реальность и начинается миф? Ответа нет — но оторваться невозможно.

© Климов В. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

СТОРОЖ АВГУСТ 6
Глава 1. Ноль один 7
Глава 2. Рутина и система 14
Глава 3. Вневедомственная тишина 22
Глава 4. Компот 30
Глава 5. Субботние хлопоты 39
Глава 6. Час до заката 47
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Вадим Климов
Сторож Август

Вадим Климов

СТОРОЖ АВГУСТ

В современной русской литературе, раздираемой между гиперреализмом «новой искренности» и эскапизмом фантастических жанров, роман Вадима Климова «Сторож. Август» не просто криминальная драма или производственный роман о буднях охраны. Это масштабное полотно, написанное на стыке сакрального реализма и суровой социальной прозы. Климов создает миф о «ночном губернаторе» — фигуре, которая держит равновесие между миром чиновников, бандитов и простых сторожей, между явью и потусторонним. В центре повествования — поиск утраченных смыслов, вера как последний оплот личности и призрачная, почти эфемерная любовь на фоне увядающего августа, который становится метафорой целого поколения, застрявшего между великим прошлым и туманным будущим.

Вадим Климов в романе «Сторож. Август» совершает удивительную жанровую провокацию. Внешне это добротный, неторопливый производственный роман о жизни городских сторожей. Однако очень быстро читатель понимает, что перед ним — многослойная притча, где символизм прорастает сквозь быт, а мифотворчество становится способом описания реальности.

Климов выстраивает систему зеркал: официальная власть губернатора и теневая власть «ночного губернатора»; реальный мир и мир призраков; жизнь и смерть, за которой наблюдают сторожа — вечные «пограничники» бытия. Финал романа с приложенным «досье ФБР» и тремя противоречивыми протоколами допроса превращает повествование в постмодернистскую игру, ставя под сомнение саму возможность объективной истины. Где кончается реальность и начинается миф, выстроенный спецслужбами или самим героем? «Сторож. Август» — это горькая, книга о том, как поколение пытается договориться с собственной историей, с призраками прошлого и мраком будущего, оставаясь при этом на посту.

Глава 1. Ноль один

Улица с кривыми вязами. Второй дом по переулку от проспекта, в полуподвале, вход с торца здания — спряталась столовая на восемь столиков по четыре стула. Окон нет. За витриной с салатами видно кухню, у плиты орудуют мужчина среднеазиатской наружности и полная русская женщина. Пахнет жареным хлебом и чесноком.

В зале несколько посетителей, за дальним столиком двое едят пельмени. За крайним столом, лицом к двери, сидит мужчина средних лет, он ест борщ со сметаной. Аккуратно несёт ложку и вытягивает шею, стараясь не капнуть на рубашку и не замочить усы.

Бесшумно открывается дверь. Входит высокий мужчина в добротном и несколько поношенном костюме, в темно-синей сорочке и без галстука. Он, не оглядывая посетителей, подходит к раздаче, берет компот, кассирша рассчитывает его с нескрываемым неудовольствием.

— Сто рублей, — говорит она и добавляет: — Возьмите лотерейный билет.

Мужчина рассчитывается картой, пищит терминал и отвечает:

— Я в азартные игры не играю.

Кассирша закатывает глаза, отворачивается и кричит:

— Мурзик, вареник почем бить?

— Триста, — отвечает повар.

Мужчина в костюме проходит зал и садится напротив посетителя за крайним столом.

— Приятного аппетита, — говорит он.

— Спасибо, — отвечает ему усатый мужчина.

Столовая «Петровна» на Советской улице не была излюбленным местом сотрудников городского отдела МВД, но ближе поесть было негде. Выскочить на полчаса из кабинета, закинуть котлету, похлебать щи или борщ, выпить компот и бежать дорабатывать — что нужно добросовестному и непритязательному полицейскому средних лет. Ещё ему нужна женщина, дом и машина. Нужны дети, дача и здоровые родители.

Вова Сидоров обладал всем, но сегодня пришлось обедать у «Петровны». Он планировал вернуться в кабинет, заполнить протокол и свалить пораньше. Жена купила билеты на спектакль в драматический театр. У него была правильная семейная ячейка, ребенок, жена с образованием, хорошие отношения с тестем и тещей. Слава богам, свои родители отмучились в преклонном возрасте. На День милиции он поправит им могилку и покрасит оградку.

Вова смотрел в тарелку и чувствовал, что его пронзают взглядом.

«Блин», — подумал он, медленно выпрямил спину, положил ложку и взял вилку.

Вова мгновенно оценил внешность незнакомца: на вид за шестьдесят, аккуратно стриженый, уши оттопыренные, мочки маленькие, глаза серые, нос прямой, шрамов и родинок нет. «Непримечательный старик», — подытожил Сидоров.

— Владимир Степанович, у меня к вам дело, — не представившись, начал мужчина.

— Понятно. О чём?

— Дело ювелирного магазина.

— Вы пострадавший?

— Можно и так сказать.

Ограбление ювелирного «Люкс» на улице Пионеров висело уже четыре дня. Всех опросили, сняли показания, посмотрели видео, заполнили бумаги, оставалось ждать, когда всплывут изделия из желтого металла с камнями и без. Через несколько дней появится информация, кто продает краденое барахло, и они потянут за эту цепочку.

— Ничем не могу помочь, — сказал капитан и цыкнул зубами — под коронкой застрял кусочек мяса.

— Это я хочу вам помочь, — отставляя стакан, сказал старик.

— Помогайте, — согласился Сидоров.

— Капитан, в ювелирном погиб наш товарищ. Надо найти душегубов и наказать. Найти — вопрос времени, а наказать мне закон не позволяет.

— Суд назначит, — выковыривая из зубов кусок мяса, сказал Сидоров.

— Суд — дело долгое, там может еще и на фронт отправят, надо меж собой решить. Дело чести.

— Во как? — спросил Вова. Из материалов дела он помнил, что на работе сторож употреблял редко и числился на хорошем счету. Директор ювелирного говорила: «Славный дядька».

Мужчина поставил локоть на стол, положил подбородок на кулаки и сказал:

— Сторожей убивать нельзя.

— А кого можно? — удивился Вова.

— Ментов, — прошипел мужик.

— О, так мы не договоримся, — обиделся Сидоров. — Почему нас можно, а сторожей нет? Мы на одной стороне — охраны собственности и порядка.

— Владимир Степанович, мы их найдем, а ты накажешь. Договорились.

— Гражданин, ты ничего не попутал, — напрягся капитан.

— Тихо, Вова, не шуми. Тут все свои.

Сидоров непроизвольно оглянулся: два мужика за дальним столом внимательно наблюдали за их разговором.

— Простите, как к вам можно обращаться? — сменил тон Сидоров.

— Виктор Дмитриевич.

— Ага. Виктор Дмитриевич, ваше предложение мне нравится. Только непонятно, как вам помочь. Что прикажете сделать?

— А ты их в петушарню закрой, — улыбнулся старик.

— Упс, — не сдержался от удивления капитан. — А если они честные воры? Меня коллеги не поймут.

— Убедите, — склонив голову, сверкая стальными глазами, ответил Виктор Дмитриевич.

— Интересный расклад получается, куда это вы меня толкаете? Виктор Дмитриевич, я по профессии любопытный, очень вы мне стали интересны.

— Ты, Володя, зубы не заговаривай, киношного мента не строй. Честные они воры или отморозки залетные — мне чихать. Я человек верующий, грех на себя брать нельзя, а тебе по службе можно.

— Что-то я не понял, — мотнул головой капитан.

— Не надо понимать, Владимир Семенович.

— Степанович, — поправил Вова.

— Извини, капитан. Хочешь — ищи их или подожди немного, тебе позвонят, скажут адресок, где эти уроды схоронились. Я тебе все сказал. Делай. Приятного аппетита, — мужчина встал, задвинул стул, повернулся и пошел на выход.

Два человека за дальним столом поднялись, взяли пустые тарелки и унесли их в окошко для грязной посуды. Один из них подошел к Вове, взял со стола стакан, из которого пил Виктор Дмитриевич, и унес на мойку.

— До свидания, — сказал один из них.

Вова еще раз цыкнул зубами, наколол вилкой кусок сала, положил его на хлеб, взял ложку и, сказав: «Пожрать спокойно не дадут», — откусил бутерброд.

Борщ не успел остыть.

«Странная ситуация, подходит какой-то дед и начинает грузить. Бред. Кому нафиг нужен этот сторож? Пал на посту, и бог с ним. Похоронили уже, наверное. Вова никогда не следил, что происходит с жертвами. Его дело — преступники. На самом деле сторожей убивают редко,

дали по башке, связали и бросили, кому нужно мазаться в крови. Вышку за сторожа не дадут, да и срок добавят так — от семи до восьми, с трупом — не больше десяти. Но дед забавный. Блин, пожрать не дают», — Вова сосредоточенно жевал и считал: двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь, и так до тридцати семи, только потом глотал.

Жена говорила: не хватай как собака, жуй, живот болеть не будет. И Вова старался тщательно пережевывать.

Выйдя из столовой, Виктор Дмитриевич пошел на трамвайную остановку, мимо цветочных ларьков и старушек, продающих дары садов и огородов. Зеленый лук, пучок тридцать рублей, укроп — тридцать рублей, ранетки красные за майонезное ведро сто рублей, но можно сторговаться и за пятьдесят. Скоро его догнали двое мужчин:

— Виктор Дмитриевич, что дальше? — спросил один.

— Вы свободны.

— Приняли.

Они расстались в десяти метрах от остановки, подошел трамвай номер десять и увез Виктора в сторону сада всех влюбленных. Сегодня там играл духовой оркестр. Виктору было не до медных труб, он ехал домой, где планировал с часок полежать, перекусить пиццей из соседней пекарни, переодеться и пойти на работу.

Трамвай отстукивал «Травиату», за окном проплывала городская обыденность. Виктор уже сказал свое слово по поводу убийства старого приятеля. Ему было его жалко, мог бы жить. Нормальный был мужик, работал в «Люксе» почти сорок лет, держал район, всех знал. Его уважали бомжи и торгаши, ценили за прямоту. Еще на первом курсе университета Маков устроился ночным сторожем в магазин недалеко от «Крытого рынка». В те годы мир сходил с ума по блестящей роскоши, в моде были лаковые туфли с узкими носами, шелковые платочки, шарфы с люрексом и блестящие черные спортивные костюмы с тремя полосками по рукаву.

В эту же лавку Маков позвал одногруппников Славу и Андрея. Сложилась отличная бригада. Виктор дорожил такими людьми и сразу наладил с ними деловые отношения. Парни втянулись в работу. Много лет они трудились в магазине, но судьба их раскидала. Андрей ушел в затворники и скрылся в сибирской тайге, он и до этого был замкнутым, писал стихи и тихо пел, аккомпанируя себе на баяне. Слава уехал по семейным обстоятельствам, вынужден был согласиться с доводами супруги, поступившей в консерваторию. Он уволился из университета, где преподавал философию, и бросил «Люкс». Его провожали всем «Рынком». К нему часто шли ходоки со всех концов города и даже из окрестных деревень поговорить за жизнь, умный был человек, философ. Ночь длинная, можно поговорить.

Маков остался, взял в бригаду молодых, часто выходил на смену две, а то и три ночи подряд. Работал как заведенный, надо было содержать семью: два сына и красавица-жена. С женой ему повезло, а с основной работой не очень. После окончания журфака его распределили в вечернюю газетенку, платили крохи, воровать он не умел и поэтому решил стать писателем. Это его и сгубило. Днем он писал репортажи с заседаний в администрации и заметки о ЖКХ, а ночью на смене в «Люксе» сочинял роман.

Виктор по-дружески читал его книжки, говорил добрые слова, поддерживал. Знал, непросто ему совмещать творчество и серьезную работу ночным сторожем в магазине на окраине криминального района. На сорок лет трудовой деятельности Виктор собирался преподнести товарищу ценный подарок от коллег по цеху, но Макова убили за горстку золотых побрякушек.

Он решил собранные на подарок деньги потратить на памятник, а еще отметить писательские заслуги и установить мемориальную табличку на девятиэтажке со стороны пустыря, где Маков любил встречаться с поклонницами. Девушки его любили, высокий, с годами набравший солидности, он вызывал у дам благоговейный трепет. Редко можно встретить такого при-

ятно выглядящего писателя. Обычно они помятые, небритые, с налетом запоя на лице, а Маков был похож на председателя совета ветеранов муниципального района.

— Был, — произнес Виктор, встал и вышел из трамвая.

Во дворе играли дети, на лавке сидели молодые женщины, одна качала детскую коляску, другая гладила маленькую собачку. Голуби купались в луже, для полноты картины уюта не хватало музыки. Виктор прошел двор, огляделся, нет ли слежки, постоял минуту, промурчал:

«Кто виноват, что ты устал,

Что не нашел чего так ждал,

Всё потерял, что так искал», — и вошел в подъезд.

В семнадцать сорок пять к подъезду подкатила машина. Почти сразу вышел Виктор. На нем был темно-синий джинсовый костюм, потертый на локтях и коленях.

Без пяти шесть он был перед служебным входом в здание областной администрации. Высокая двойная дверь с тяжелой бронзовой ручкой легко открылась. В конце коридора находился его кабинет, в котором были шифоньер, кресло, стол, компьютер, небольшой диванчик, чайник и одна чашка.

Виктор снял куртку, повесил в шифоньер на плечики, переобулся в мягкие кроссовки. Мимо пролетела муха. Он проводил ее взглядом и сказал:

— Зря ты сюда прилетела, — и пошел на осмотр объекта. Первым делом проверил все электроприборы, во вторую очередь — двери и окна. Электрощиток крутился с положенной скоростью, проводкой не пахло, свет везде выключили. Двери и окна были целыми и закрытые.

В шесть ноль пять он вернулся в кабинет, снял трубку телефона, набрал номер и сказал:

— Номер ноль один. Объект принял. Замечаний нет.

Последние тридцать лет он приходил в этот кабинет каждую третью ночь. Виктор много и честно трудился на благо отечества, осознавая, что занят серьезным делом. Платили немного, но понимание ответственности скрадывало эту неприятную мелочь. Тем более общественная нагрузка, которую он вел, неплохо вознаграждалась.

Виктор налил теплой кипяченой воды, отодвинул шторку и выглянул. Мимо проехал патрульный автомобиль, раньше полиция мимо его окон ходила, теперь ездят. «Все обленились», — подумал он и посчитал этажи строящегося дома на другой стороне площади.

— Семь-восемь, — произнес он и продолжил говорить в пустом кабинете: — Надо позвонить Ивану, что-то стройка у них остановилась.

Задернув штору, Виктор повернулся, подошел к столу, отодвинул кресло, сел, включил компьютер, надел очки и замер. Только указательный палец проворачивал колесо мышки.

Через час зазвонил телефон. Виктор нажал на кнопку громкой связи:

— Слушаю.

— Добрый вечер, Виктор Дмитриевич. Вы просили доложить, — произнес голос.

— Говорите.

— Люди работают, просят два дня.

— Все!? — резко сказал Виктор. Сразу было непонятно, он возмущался, спрашивал или соглашался.

Возникла короткая пауза, и звонивший согласился:

— Все.

— Спасибо, — ответил он и нажал «отбой». Виктор опять замер перед компьютером.

Прошло сорок минут, он встал и вышел из кабинета. Пора было ужинать.

Открыв большую стеклянную дверь, он вышел в зал, где в полной сервировке стояли убранные белыми скатертями столы. На одном из них блестел мельхиоровый баранчик. Виктор сел, положил на колени салфетку, поднял крышку и увидел идеальной формы паровую котлету, картофельное пюре, ложку зеленого горошка и розовую подливку, изящным росчерком

разлитую между пюре и котлетой. Он взял в правую руку нож, в левую вилку, отрезал кусочек котлеты и положил в рот.

— Угу, — сказал он. — Достойно. Благодарю.

Не проронив больше ни слова, он закончил ужин стаканом минеральной воды «Ессентуки». Свернув салфетку, положив ее на край стола, встал.

Из столовой он вышел в главную дверь и пошел по красной ковровой дорожке в дальний конец, где светился неяркий свет. Восемнадцать шагов по знакомому коридору привели его в фойе, где за столом, обнимая автомат, дремал постовой.

— Сержант, — окликнул его Виктор.

Полицейский вскочил и ловко перехватил оружие.

— Так точно. Прошу прощения, — отрапортовал постовой. — Сморило.

— Бывает, — по-отечески сказал Виктор. — Как служба?

Сержант нагло зевнул, потряс головой и еще раз извинился:

— Простите, больше не повторится.

— Конечно, — улыбнулся Виктор.

— Магнитную бурю объявляли, — оправдывался сержант.

— Пусть будет буря. Пал Палыч не приходил? — спросил Виктор, и полицейский побледнел.

— Никак нет, Бог миловал.

— Да ты садись.

— Спасибо, я постою, разомнусь.

— Тишина? — спросил Виктор.

— Как в сейфе, — отшутился сержант.

— Хорошо, что не в склепе.

— Что-то вы сегодня меня пугаете, Виктор Дмитриевич.

— А ты не бойся, боец.

— Так-то я не боюсь, если что — отобьюсь.

— От Пал Палыча? — переспросил Виктор. — Он бывший боксер, от него не отобьешься.

— А что делать?

— Круг рисуй. Мел есть?

— Да, вот тут в столе лежит.

— Проверенное средство.

— Я подумал, карандашом ему в сердце.

— Максим, — Виктор обратился к сержанту по имени, — кол — это для вурдалаков, вампиров, оборотней, может, от зомби поможет. А Пал Палыч — призрак.

— Виктор Дмитриевич, откуда духи берутся? — переступая с ноги на ногу и разминая спину, спросил сержант.

— Ты автомат положи, что надрываешься.

— Не положено.

— Дрыхнуть на посту положено?

— С кем не бывает? — замялся полицейский. — Автомат в подотчете. Я думаю, что Пал Палыч — это легенда. Я тут уже год, а он не появлялся.

— Сменщик твой видел. Ты сходи к нему, в психушку, проведай.

— Бесполезно, он никого не узнает. Так все же, откуда Пал Палыч приходит?

— Может, сверху спустится, может, из столовой выйти, а иногда из отдела пропусков выходит, как раз у тебя из-за спины.

— Это меня предупредили, но я не о том. Откуда призраки вообще берутся? Мы вроде весь мир физикой изучили, двадцать первый век, а в духов верим.

— Вон ты о чём? Тут все просто. Ты в бога веришь? Можешь не отвечать. Это личное. Если веришь в бога, то знаешь, что есть Бог-отец, Бог-сын и…? — сделал паузу Виктор.

— Святой дух, — закончил фразу сержант.

— Что и требовалось доказать. Если есть святой дух, то логично предположить существование иного духа. Например, злого духа. В сказках нам рассказывают о привидениях, они, как правило, не вредят человеку. Возможно, есть духи-вредители, способные убить или заморочить человека. Откуда они взялись? Все создано богом.

— Или чертом.

— Зря ты его к ночи поминаешь. Сплюнь через левое плечо.

Полицейский повернул голову и плюнул:

— Тфу, тфу, тфу. Прости, Господи. Я в детстве смотрел мультик о приведении.

— О самом добром в мире приведении по фамилии Карлсон? — спросил Виктор.

— Не, там американец в замок приехал, и дочка его с приведением познакомилась. Я не выговорю название. Кентаврильское, кажется, приведение.

— Кентервильское. Уайльд.

— Точно, — кивнул головой сержант. — Я так понял, привидения — это невинно убитые граждане. А Пал Палыч, вроде сам умер.

— Максим, ты любопытный малый. Честно, парень, я не знаю природу приведений. Может, Пал Палыч хранитель старого мира? — вдруг предположил Виктор.

— Тогда он должен быть безобидным. Интересно, а он разговаривает? — спросил Максим и сел на свое место.

— Скоро узнаешь, — ответил Виктор. — Служи, боец. Доброй ночи.

— Рад стараться, — отдал честь сержант.

Виктор Дмитриевич повернулся и по тому же коридору пошел обратно. Зайдя в кабинет, он снял обувь и лег на диван. Отдохнув час, встал, подошел к телефону, набрал номер и, когда ему ответили, доложил:

— Ноль один на посту. Как принял? — и положил трубку.

За окном было темно, тусклые прожекторы подсвечивали скульптуру. Виктор сел за стол, включил компьютер, расслабился в кресле и замер. Подождав еще час, он включил чайник, заварил чай, встал у окна и, глядя в темноту, не спеша выпил.

В последний раз Пал Палыч заходил не так давно, оглядел кабинет, покачал головой и вышел. После чего Виктор написал заявление с просьбой отремонтировать помещение. При жизни Пал Палыч был незаносчивым, типичным советским начальником. Он не был сторонником сложных многоходовок и не любил запутанные схемы. Виктор в этот кабинет впервые вышел на дежурство еще в срок Пал Палыча, и когда его дух начал ходить по администрации, Виктора не удивился. Вреда от него не было. К сожалению, один рядовой на центральном посту увидел Пал Палыча, спускающегося со второго этажа, вместо того чтобы достать мел и обвести себя по кругу, он стал кричать: «Изыди, нечистая сила!»

Видимо, Пал Палыч обиделся. Парень до сих пор лежит в психинтернате. Говорят, даже маму не узнает. Виктор вспомнил, как настоящий Павел Павлович заходил в депутатскую курилку, и у некоторых рефлекторно подгибались ноги. Был в нем начальственный характер. А когда стал духом, то ночами был тихим и приветливым. Мог, проходя, махнуть рукой или кивнуть. Вроде: «Привет, Витя».

Виктор опять лег на диван, закрыл глаза и уснул. Ровно в положенное время он проснулся, встал, вышел из кабинета, дошел до туалета, умылся, почистил зубы, вернулся, сел за стол и выключил компьютер. Начало светать.

Выключили подсветку памятника, проехала полицейская машина. Ровно в восемь часов Виктор позвонил и сказал:

— Ноль один. Сдал, — и положил трубку. Он достал куртку, переобулся и вышел из кабинета.

Когда он открывал дверь, к крыльцу подъехал автомобиль. Виктор сел и приказал водителю:

— Отвези на речку.

— Легко, — ответил водитель, и автомобиль тронулся. На проспекте почти не было машин, недавно проехала поливалка. Солнце отражалось в окнах, было летнее утро.

Величественная река мутным потоком текла на восток, дул слабый ветер, пахло тиной. Виктор постоял на берегу, глядя на заливные луга, вернулся к автомобилю, сел и уехал.

Глава 2. Рутина и система

В понедельник с одиннадцати до двенадцати часов в бассейне «Садко» плавали три пожилые дамы и двое немолодых мужчин. Проплыв двадцать пять метров неспешным брасом, Виктор вылез из воды и сел на скамейку. Он тяжело дышал и вытирал голову большим полотенцем. Рядом сел крупный мужчина и укрылся махровым халатом.

— Силы уже не те, Борь, — произнес Виктор.

Борис проводил взглядом неровный строй женщин, плывущих по первой дорожке, и ответил:

— Здоровья не хватает, но надо бороться.

— Вот и сражаюсь. Как быстро мы постарели. Ты еще молодой. Я в твоем возрасте марафон бегал.

— Я ни в каком возрасте марафон не пробежал бы. Не тот размер.

Борис не был толстым, он был крупным человеком, большого роста.

— Поэтому плаваешь хорошо.

— Во всем свои преимущества.

— Как дела? — спросил Виктор.

— Идут, Виктор Дмитриевич. Проблем хватает, но решаем в рабочем порядке.

— Ты о чём? — спросил Виктор и встал.

Борис посмотрел на собеседника и тоже встал.

— Молодежь не понимает. Работать не хочет.

— Давай пройдемся, — предложил Виктор.

И они двинулись вдоль бассейна. Виктор заложил руки за спину, развернул плечи:

— Спина, — признался он.

— А у меня рука, — ответил Борис.

— Молодежь всегда такая, вспомни себя. В каком возрасте ты в садик вышел?

— В двадцать. В этом году уже тридцать пять лет на службе.

— Грамоту надо получить.

— На двадцать пять уже вручили.

— Еще одну, лишняя не будет.

— Хватит. «Заслуженного работника» или «Ветерана труда» мне не надо.

— Зря ты, неизвестно, какая бумажка в наше время сгодится. Ладно, что там молодежь?

— Все обыкновенно, бухают, девчонок водят.

— Ничего нового, все прошли этим путем. Не обижайся, Борь, но повторю: надо работать над мотивацией, они не видят выгоды. Что они думают, придя к нам? — спросил Виктор и, дойдя до конца бассейна, развернулся.

Борис помедлил и ответил:

— Думают, что перебьются год-другой и свалят.

— Ты должен разъяснить, что в этом деле есть скрытый ресурс и немалый достаток. Можно нормально зарабатывать.

— Мы каждому новенькому об этом толкуем, но не все понимают, а потом… люди не роботы, в бригадах бывают недопонимания. Приходится разводить. В «Солнышке» собрались музыканты, творческая интеллигенция. Пришлось серьезно объяснять, чтобы не шумели, не светились. Поначалу к ним со всего города приезжали, а прошло время — успокоились, врубились и уже двадцать лет тихо сидят, студию в подвале сделали и песенки записывают.

— Как у них с заведующей? — заинтересовался Виктор.

— В этом у нас все нормально. Как правило, все понимают свою выгоду. Но бывают случаи, приходится вмешиваться. Недавно одна взбрыкнула. Не дура вроде, работала не первый год, но встала в позу. Решила квоту урезать.

— Чем кончилась?

— Убрали, внесли в список. Ее теперь даже уборщицей не возьмут.

— Ты крут.

— А как по-другому, Виктор Дмитриевич? Система перегружена, мест в садиках не хватает, цены растут. Надо понимать.

— Пойдем еще разок проплывем, — предложил Виктор и бросил полотенце на скамейку.

Мужчины аккуратно спустились в воду и поплыли. В этот момент дамы закончили плавать и с шутками, подталкивая друг друга, вышли из воды. Мужчины сосредоточенно плыли запланированные двадцать пять метров. Закончив упражнение, они отправились в сауну.

— Я когда с молодыми говорю, вспоминаю себя. Все было: и девок приводил, и выпивали. Спал я в спортзале, составлял лавки. Рассказывал, как на ёжика наступил? — улыбнулся Борис.

— Не помню, — ответил Виктор, потирая уши.

— Уснул, вдруг просыпаюсь, слышу шум, ни на что не похожий. Прикинул, в окно не лезут. Встал, пошел к выключателю. И наступил на ёжика. Он из зооуголка сбежал. Хорошо, я в тапочках был, не накололся. Я его потом по залу гонял, пытался поймать. Загнал в угол, а как взять — не знаю. Я до этого ежей только в мультиках видел. В мусорную корзину его поймал, притащил на место. Его Фунтиком звали. Летом по территории выгуливали. Сейчас животных санэпидем запрещает. У нас еще кролик был, белочка и хомяки.

— Что делать, думаешь? — прервал воспоминания Бориса Виктор Дмитриевич.

— Усилим разъяснительную работу, за пьянство будем наказывать рублем. Больше ничего не работает. Пробовали бить — обижаются.

— Обрати внимание на работу с дворниками. Там стали брать кого попало, они вечно косячат.

— Виктор Дмитриевич, я держу руку на пульсе, этот вопрос с мигрантами конкретно решили, — рубанул рукой воздух Борис.

— С этими ясно, ты вообще присмотрись. Время тревожное. Не хотел говорить прописные истины, но уж начал. Самый ответственный участок — это сады и школы. Лучше даже не представлять ничего плохого, но ты понимаешь, что может произойти. Никто не знает, где может треснуть. Дети, Борис, это святое. На святое могут покуситься.

— Вызывали? — перебил Боря.

— Нет. Сам понимаешь, что творится. Ты проведи разговоры. Душевно так поговори. Скажи, что на них надеются, им доверяют. Глядишь, и станут серьезнее относиться к делу. Ветеранов привлекай. Совсем старых не дергай, а тех, кто в здравом уме, подтяни.

— Ясно. Сам как, Виктор Дмитриевич?

— В делах, скреплю, — ответил Виктор. — Макова жалко.

— Да, прискорбно, — поддержал его Борис. — Наш был человек.

— Найдем. Приведи его в пример для назидания. Он хоть и работал на коммерсантов, но был нам старым товарищем.

— У меня как всегда проблемы с подростками и бомжами, — пожаловался Борис. — Разреши отлавливать.

— Бомжей лови и вывози на работы, сдавай фермерам. Это в твоей компетенции. А подростков возвращай родителям и выставляй на бабки по полной программе. Заплатят, будут понимать, куда можно лазить, а куда не надо. Деньги, Борь, самый эффективный способ воспитания. Пойдем чай пить, — Виктор поднялся с полка, намотал полотенце и, придерживая себя за спину, вышел из сауны.

Чайная была рядом со стойкой администратора. Виктор Дмитриевич расположился в углу, Борис сел с краю. Мастер чайной церемонии принес чай: Виктору — с лимоном и сахаром, Борису — зеленый с мятой.

— Как у тебя на личном фронте? — спросил Виктор, помешивая чай.

— Нормально, дети растут, парень школу заканчивает, дочь танцует.

— А жена?

— Живем, — обыденно признался Борис.

— Ты можешь считать, что я лезу не в свое дело, но семейная жизнь коллеги меня тоже касается. Мне проще быть одному.

— У меня вроде наладилось. У мужиков средний возраст, а у женщин свои прелести. Надо потерпеть. Она же меня выдержала.

— Хорошо. Давно я у тебя на даче не был.

— Поехали, — предложил Боря.

— Разгребу дела — и поедем, — вытаскивая лимон, сказал Виктор.

— Если нужна помощь — я подключусь.

— Спасибо, пока справляюсь, — Виктор допил чай и сказал: — Пошли.

Борис выдохнул и встал.

— Виктор Дмитриевич, может, пообедаем? Я место знаю. Там мясо готовят хорошо. Возьмем шашлык или грудинку запеченную, огурчики, помидорчики, поедим не спеша. Не убегут твои дела, — застегивая сумку, предложил Борис.

— Дела у нас общие. Хотел домой поехать, салат порубить, но ты смог уговорить, — засмеялся Виктор, и они вышли.

На крыльце Виктор остановил Бориса:

— Пока мы на воздухе, расскажи, как у нас с финансами?

Борис оглянулся и, не смотря на собеседника, сказал:

— Все по плану. Как решили, так и действую. В двух словах: часть в белую на счете Союза, часть в офшоре и часть в работе, распихали по кредитным организациям. Минимальный риск есть, но свое мы всегда заберем.

— Если под компанию не попадем, — добавил Виктор. — А с новыми поступлениями как?

— Есть проблемки. В целом мы договорились. Люди понимают. Но некоторые начали устанавливать камеры и отказываться от людей. Не понимают, что за техникой следить надо.

— Это вопрос времени. Смотри, чтобы все было копейка в копейку. Поехали обедать.

Вечером Борис отправился проверить посты. Было у него несколько проблемных объектов. На одном у сотрудника возникли сложности в семье, и он находился на грани срыва. Мог запить. Мужик был неплохой, но впечатлительный. Сменщик рассказал, что видел его бабу с каким-то хахалем. Человек мог расстроиться и схватиться за бутылку. Борис решил проконтролировать. Объект был на выселках или, как у них говорили, в самом заду. Ехать не хотелось, но лучше перестраховаться, чем потом разгребать.

Второй пост был в другом конце города, там работали женщины. В их бригаде всегда было все в полном порядке, но вчера от них поступил сигнал: «Кто-то прошел на территорию и трогал окна. Сотрудница не успела рассмотреть, но в отчете указала, что неизвестный в два часа ночи прошел по периметру, приблизился к окну, возможно, дергал дверь. Следов не оставил».

Сегодня у них на смене «молодая». У Бориса не было к ней никаких эротических помыслов. Он давно не позволял себе неслужебных отношений. А в юности бывало. Обычное дело — позвать подружку скоротать ночку. Молодой надо показать, что помимо отдела есть представитель Союза. Они наблюдают и все контролируют. Борис знал: необходимо напоминать, что люди не зря отдают процент, и поэтому поехал на край города.

В районе массовой застройки, в гуще домов, за зеленым забором спряталось двухэтажное здание. Борис подошел к воротам, проверил, что все закрыто по нормативу, достал телефон и позвонил.

— Карпов? — спросил Борис. — Открой, это Борис.

Скоро послышался шум, и ворота открылись. Перед Борей стоял взлохмаченный мужчина среднего возраста.

— Проходите, Борис Михайлович. С проверкой нагрянули?

— Проверять тебя бригадир будет, я поговорить приехал.

— Машину загонять станете? — спросил Карпов.

— Пусть стоит. Пойдем к тебе, чтобы не светить тут.

— С машиной ничего не будет, у нас можно. Заходите, пожалуйста.

Мужчины проследовали в здание. Зашли в комнату.

— Располагайтесь, — пригласил Карпов.

— Ладно, — ответил Боря и сел на дерматиновый диванчик. — Алексей, дело у меня к тебе по работе, но оно личное.

— Понимаю, настучали.

— Доложили. И правильно сделали. Скажи, ты же за дело болеешь. Волнуешься, когда сменщик заболеет?

— Ну да, — опустив голову, ответил Карпов.

— Значит, правильно сделали. Переживает товарищ. Я одного не пойму, ты почему расстроился?

— Ну, Борис Михайлович, так-то она не права.

— Любовь что ли?

— Вроде как жена, своя, неприятно. Если вы насчет выпить — клянусь, на работе ни-ни, — Карпов замахал руками и посмотрел на Бориса.

Борис вздохнул:

— Еще бы ты на объекте забухал.

— Да не за что, — уверял Леша.

— Меня волнует, что ты дома начнешь и уйдешь в запой. Человек в таких чувствах слаб. Знаю, у самого бывало. Есть у меня предложение. Хочешь, пару дней после смены в доме отдыха поживешь. Разгрузка там, соляные пещеры.

— Спасибо, Борис Михайлович, я сам как-нибудь.

Борис грузно встал.

— Послушай, Лёш. Мы тебе добра желаем. Видишь, я сам приехал. Ты нормальный работник, место у тебя хорошее. Из-за бабы потерять доверие и место — это фигня. Давай подумай. И не разводи мелодраму. Пошли, закроешь.

Мужчины вышли, Борис, дойдя до ворот, пожал Карпову руку и, придерживая за плечо, произнес:

— Лёх, Пушкина из-за бабы застрелили. Не дай себе погибнуть.

Карпов удивленно посмотрел на Бориса и мотнул головой.

— Понимаю.

Ворота закрылись, и Борис поехал разбираться к молодой.

Перед тем как войти, он решил обследовать территорию. Обошел здание, посмотрел дверные замки, заглянул в замочные скважины. Внимательно оглядел рамы. Он знал, что лучше вызвать бригаду, и они профессионально все исследуют, но дергать людей из-за того, что женщинам померещилось, не стоит. Он приехал успокоить.

В этом тихом городском углу, в самой глубинке частного сектора, разбойники давно не водились. Полиция утверждала, что вывели их двадцать лет назад. На бандитов Борис и не

думал, а вот психопат мог объявиться. Кнопка звонка у парадного входа была старше Ивана Грозного. Борис нажал, раздалась противная трель.

Прошло три минуты, за дверью послышался кашель.

— Ой! Борис Михайлович! — распахнув дверь, улыбнулась молодая.

— Здравствуйте, Нина, — Боря глянул на невысокую женщину примерно тридцати пяти лет и подумал: «Правда, молодая».

— Проходите, пожалуйста, вы по работе? — Нина улыбнулась и пропустила Бориса, закрывая за ним дверь на щеколду.

— Замок, — бросил Боря.

— Ага, — спохватилась Нина и повернула ключ.

— Показывай, — распорядился Борис. — Кто к тебе ломился.

— Я их не видела, — смутилась женщина.

— Это плохо. Тогда рассказывай.

— Пойдемте ко мне, чаю налью.

— Айда, — согласился Борис.

Они прошли в маленькую комнату, которую можно назвать коморкой. Нина налила в чистый бокал кипятка и опустила в него чайный пакетик.

— Конфеты, сушки, угощайтесь, — предложила молодая.

— Спасибо. Как все было? — усаживаясь на стул, спросил Борис.

— С вечера все было спокойно, а ближе к двум зашуршали, — начала она рассказывать, раскачиваясь на стуле. — Я вышла послушать, посмотрела в окно, увидела тень на углу. И все. На камерах никого.

— Странно, — Борис взял сушку и сломал ее в кулаке. — Что думаешь?

— Если бы знала… — задумчиво ответила Нина. — Тут что может быть? Или хулиганы, а у нас на районе их нет. Или бомжи пришлые, местные к нам не сунутся.

— А что у вас бомжам надо?

— Кто их разберет.

— Куда лезли? — уточнил Борис.

— Да не поняла я: то ли в окно, то ли дверь дергали. Испугалась я, закричала: «Щас бригаду вызову!» Они и ушли.

— Вызвала?

— Нет, ушли же. Утром бригадиру сообщила.

— Правильно. Боишься? — и Борис взял вторую сушку.

— Страшно, вдруг что? — призналась женщина. — Без мужика живем.

— А что мужик?

— Вышел бы, разогнал, — Нина покосилась на Бориса.

— По правилам нельзя покидать пост. Забыла?

— Помню, я так, к слову. Конечно, нельзя выходить, а вдруг их много.

— Ладно, давай осмотр сделаем и поеду. Веди, молодая, — Боря улыбнулся, встал и вышел из комнатки.

Нина повела Бориса по первому этажу, показала замки на дверях и окнах. Все было заперто. Они поднялись на второй этаж, двери на балконе и окна были закрыты. Пожарный выход опечатан.

— Подвал есть? — спросил Борис.

— Есть, но окон и дверей нет. Вход через служебный, — отрапортовала Нина.

— Тогда все. Где туалет?

— Там, пойдем, провожу, — и женщина повела Бориса по узкому коридору.

Когда он вышел из туалета, Нина, белая как мел, стояла у стенки, приложив палец к губам, второй рукой показывая в сторону.

— Слышишь? — прошептала она.

Борис встревожился. Прислушался — где-то что-то скрипело.

— Шуршат, — опять шепотом сказала Нина.

— Слышу, — ответил Борис и приказал: — Звони на пост.

Женщина на цыпочках пошла по коридору.

— Чего крадешься? — спросил он.

Нина остановилась, повернулась и, разведя руками, сказала:

— Не знаю.

Борис подошел и приложил ухо к двери. Ему показалось, что за дверью кто-то дышит. Он понимал, что за такой тяжелой дверью ничего не должно быть слышно. Постояв минуту, он пошел к ближайшему окну. Осторожно отодвинув штору, выглянул. Снаружи никого не было. Но звук был. Противный скрежет, будто пенопластом водили по стеклу.

Вернулась Нина.

— Борь, — позвала она. — Телефон вырубили.

— В смысле? — не сообразил Борис.

— Не гудит, — с ужасом в глазах ответила Нина.

— Не может быть. Звони на мобильник, — распорядился он и пошел к следующему окну.

Когда отодвинул штору и глянул, то отшатнулся и крикнул:

— Бля! — на него смотрел лысый. — Пошел отсюда! — крикнул Боря.

Лысый спрятался.

— Знаешь его? — спросил он у Нины.

— Я тут никого не знаю. Я в другом районе живу. Телефон говорит, что абонент недоступен, — показывая трубку, ответила испуганная женщина.

Борис достал свой телефон, оглянулся на окно — там было темно. Он набрал номер, приложил телефон к уху.

— Недоступен, — растерянно сказал и посмотрел на женщину. — Странно.

Со второго этажа послышался скрежет.

— Окно пытается открыть, чёрт! — крикнула женщина. — Там решеток нет.

— Кто это? — крикнул Боря и кинулся на второй этаж. — Где ты, блять?

— Боря, тут нельзя материться! — одернула его Нина.

Борис остановился.

— Так, дорогая, что-то мы не то делаем. Замок в подвале есть?

— Как положено, оборудованное бомбоубежище.

— Бежим, — приказал Борис и подтолкнул Нину. — Быстро.

Женщина развернулась и, прыгая по две ступеньки, понеслась вниз. Боря скакать не мог. Он был крупный мужчина старше пятидесяти пяти лет. Оглядываясь, они проскочили коридор и остановились у двери в подвал.

— Открывай, стой там, — распорядился Борис. — Где тревожная кнопка? Будем вызывать.

— Может, подождем? Сразу не залезет.

— Хочешь с ним побороться? — съязвил Борис.

— Окна крепкие, — сказала Нина, и в этот момент они услышали сильный удар в дверь.

— Вот тебе и штурм, молодая. Не бомжи, однако. Где кнопка?

— В кабинете у заведующей.

— Беги, я прикрою! — приказал он.

Нина перекрестилась и побежала. Борис пошел за ней, оглядываясь и прислушиваясь. В дверь опять ударили. Окно на втором этаже трещало. Боря взял за ножку детский стул. Нина добежала до кабинета, открыла дверь и остолбенела: в стекло на нее смотрел лысый.

— Ёп… — испугалась женщина и упала на колени.

— Жми! — крикнул ей Боря. — Давай!

Нина поползла. Ей было очень страшно, она знала, что лысый смотрит, но сделать пока ничего не может. Тревожная кнопка была на стене между окнами. Нина, не вставая, нажала на клавишу, развернулась, соскочила и побежала к Борису. Он ждал ее на повороте к подвалу. Было слышно, как стучат в дверь, как скрепит окно.

— Заходи, — Борис толкнул женщину в подвал.

— А ты? — остановилась она.

— Успею.

— Не успеешь, — волновалась она.

— Вот зараза, — выругался Боря и шагнул в подвал.

Тяжелая бронированная дверь плавно закрылась. Боря повернул колесо замка, огляделся. На полках стояли банки, бутылки, ящики, коробки.

— А это я хорошо попал, — вырвалось у него. — Десять минут переживем. Рассказывай, кто это?

— Вурдалаки какие-то, — виновато ответила Нина.

— Откуда?

— Бабы гадают, вот и наворожили. Портал пробили. Говорила я им. Икону надо повесить. А они сопротивляются. Какую, говорят, икону в детском саду? Богородицы, дуры.

— Давно гадают? — прислонившись к стене, спросил Боря.

— Я пришла десять лет как, они уже гадали. К ним со всего города едут. Зинка хорошо гадает. Ей карты не врут. Катька по кофейной гуще видит. Мы попа уже звали. Окропил, денег взял.

— Когда? — разглядывая Нину, спросил Боря.

— В позапрошлом году. В мае, на Красную горку. Что вы на меня так смотрите, Борис Михайлович? — вдруг спросила Нина.

— А ты ничего так, молодая. За тобой пришли?

— Вы меня смущаете. Я женщина скромная, не замужняя, на каждого мужчину смотрю как на самца. А ситуация, сами понимаете, тревожная. Хочется прижаться к сильному плечу. Вы не против, если я вас обниму? — Нина не стала дожидаться ответа и шагнула к Боре.

— Стоять, красотка, — резко остановил ее Борис. — А это не ловушка?

Нина не остановилась и, подойдя, обняла Бориса. Он поднял руки и стоял, прижатый к стене.

— Я сама боюсь, черти эти, вдруг по мою душу.

— Уверена?

— Нет, — призналась молодая. — Кто их знает, может, и мне пора в ад.

— Есть за что? — спросил Борис и положил руки ей на талию.

— Ворожу, малышам пупок могу заговорить. Но за это черти не забирают. Просто накопилось, — Нина положила голову Борису на грудь, а левую руку сунула ему ниже пояса.

— Мы при исполнении, — убрал ее руку Борис. — На работе нельзя.

— Кто нас тут заметит? Пока наряд приедет, мы управимся, — и она опять опустила руку ниже его ремня.

— Мне трудно тебе отказать, но есть нормативы.

— Страшно, вдруг последние минуты живем, хоть умру с удовольствием.

— Женщине трудно отказать в такую минуту, — ответил Борис. Он пришел в себя, шок от неожиданного нападения прошел. Он обнимал женщину, которая просила нежности. Но был как скала. — Отойди.

Нина еще сильнее прижалась к его груди.

— Прости, — Боря отодвинул ее. — Меня не поймут.

Нина вздохнула, сделала шаг назад, посмотрела на Борю и согласилась:

— Не поймут.

— Подождем.

Женщина села на коробку с апельсинами, Борис остался стоять у стены.

— Не обижайся, Борис Михайлович, это не специально. Так получилось. Все мы тут виноваты. Очень мужчину хочется в такую минуту. А ты такой большой. Это не засада, клянусь. Я сама испугалась. Поняла, когда второго увидела. Сначала боялась подумать, а потом вижу — лысый чёрт. Тут ноги подкосились. А что если за мной? И тебя паровозом потяну. Тебя жалко. Зачем на себя душу твою брать. Хотя… — Нина посмотрела на Бориса. — Вряд ли ты безгрешный. И в церковь, наверное, не ходишь.

— Хожу по праздникам. Ладно, снимай трусы, — согласился Борис.

Глава 3. Вневедомственная тишина

— Уважаемый Виктор Дмитриевич, постарайтесь объяснить, что происходит? Слухи ходят. Черти завелись.

Невысокая женщина в темном мундире глядела мимо него в окно. Виктор изучал узор древесных волокон на столе и ждал, пока начальник выскажется. Когда она замолчала, он сделал паузу и ответил.

— Елена Алексеевна, чёрте что.

— Мы на работе, у вас не должно быть от нас секретов.

— От вас, Елена Алексеевна, или от органов? — напрямую спросил Виктор.

Женщина повернулась.

— От меня, Виктор Дмитриевич.

— Как только все выяснится, смогу вам рассказать в неофициальной обстановке, а вызывать меня больше не надо. Только из уважения к вам.

— Вы на работе.

— У меня есть непосредственный начальник, и по своим должностным обязанностям я отвечаю за один объект, — деловым тоном заявил Виктор.

— Не надо так, уважаемый Виктор Дмитриевич, — Елена Алексеевна подошла к своему креслу, но не села. — Если вы так считаете, то мы можем и расстаться с вами.

— Вы угрожаете?

— Какие могут быть угрозы? Предупреждаю, по закону мы можем вас уволить.

Виктор посмотрел на начальницу.

— И на каком основании?

— Основание мы найдем.

— Елена Алексеевна, сколько лет вы в управлении?

— А это не важно, — ответила женщина.

— Попробуйте, может, у вас даже получится, но будет непросто. Замечаний у меня нет, прогулов не бывает. Вы, Елена Алексеевна, садитесь, — предложил Виктор.

Женщина осталась стоять.

— Я постою.

— Тогда я пойду.

— Я еще не закончила, — повысила голос начальница. — Я должна знать, что произошло.

— Вы у подчиненных спрашивайте. Вам должны были объяснительные написать. Если я что узнаю, то при встрече расскажу. Приходите завтра в сад. Придете? — спросил Виктор.

— В сад не пойду, встретимся на аллее Павших.

— Во сколько?

— В шесть часов вечера, — чуть не взвизгнула женщина.

— Всего хорошего, — Виктор встал и вышел из кабинета.

Светило солнце, он надел темные очки, заложил руки за спину и пошел. Вдоль тротуара за ним медленно ехал автомобиль. Вдруг к Виктору подбежал мальчик и сказал:

— Дяденька, возьмите конфетку.

— Не надо, — ответил Виктор. — Вдруг она отравленная.

— Правильно, дядя, — улыбнулся мальчик. — Хорошую конфету я сам съем.

— Ну, беги играть, — улыбнулся Виктор и пошел дальше.

Мальчик посмотрел ему вслед, сплюнул на асфальт, подпрыгнул на месте и убежал.

Дойдя до перекрестка, Виктор остановился, и к нему подъехала машина. Он сел и уехал.

В кабинете руководителя городского отдела охраны зазвонил телефон. Михаил Семенович Тимофеев ответил:

— Слушаю.

— Селезнева, — представилась Елена Алексеевна.

— На связи, — сказал Тимофеев. Он не уважал начальницу из управления и не желал с ней здороваться.

— Приготовьте дело на этого вашего Виктора Дмитриевича.

— Слушаюсь, — не удивился Тимофеев. Он предполагал, что начальница начнет бить копытом. Эта тыква, как называли ее сотрудники, ничего не понимала и при каждом случае старалась казаться большим начальником. Михаил Тимофеев прослужил в отделе двадцать лет и знал, кого можно трогать, а на кого лучше не рыпаться. Когда он знакомился с личным составом, Виктор Дмитриевич дал ему совет: «Не суетись по пустякам». Тимофеев уяснил. Вечером, рассказывая жене, как прошел день на работе, он поделился:

— Кто она такая? А Виктор Дмитриевич — уважаемый человек. Без него, наверное, можно работать, но с ним спокойнее. Если она попробует копать на него, ей так дадут по тыкве, она семечками какать будет, — Михаил оглянулся на дочку. Ребенок уткнулся в телефон и не услышал.

Супруга Тимофеева выслушала мужа и промолчала, она не лезла в его дела. А Виктора Дмитриевича видела на демонстрации в День единства. Высокий пожилой мужчина с доброжелательной улыбкой и в темно-зеленом плаще.

Вечером следующего дня Виктор отправился гулять по аллее Павших героев. У третьего фонаря стояла Елена Алексеевна. Он помахал свернутой газетой, она не ответила.

— Добрый вечер, — сказал Виктор.

— Здравствуйте. Что происходит? — нервно спросила начальница управления.

— Давайте прогуляемся, — предложил Виктор.

Елена Алексеевна Селезнева не стала противиться и пошла рядом.

— Я обещал вам поделиться информацией. Слушайте, — сказал Виктор. — Вы верите в бога? Если даже не верите, все равно. На нашем объекте появились черти.

— Что вы несете? Взрослый человек. Вас уважают, — возмутилась Селезнева.

— Понятно. Тогда коротко. В бригаде три женщины, служат давно. Гадают на картах и кофейной гуще. Пользуются популярностью. Клиентов принимали на объекте. Это не страшно.

— Что значит «не страшно»? Прямое нарушение. Посторонние на объекте, — почти кричала начальница.

— Перестаньте нервничать. Нормально это. Подрабатывали женщины. Но перестарались. Черти полезли. Наш сотрудник как раз оказался там.

— У него служебный роман?

— По делу поехал. Был сигнал, что на объект приходил посторонний. Бригаду не стали беспокоить. Женщины подумали, что это бомжи или хулиганы с соседнего района. Наш сотрудник решил выяснить. При нем и произошло нападение. Дальше действовали по инструкции. Есть странности, мы разбираемся.

— Какие еще странности?

— Телефон не работал, и связи не было. Пришлось воспользоваться тревожной кнопкой.

— Мне доложили о бригаде быстрого реагирования. Они ничего не нашли.

— Плохо искали. Погнули решетку на первом этаже, на втором — раму поцарапали. Дверь пинали. Следы остались.

— Но в рапорте написано, что все чисто.

— С их точки зрения — да. Нарушителя нет. Но наши сотрудники видели.

— Вы им верите? — остановилась Селезнева и внимательно посмотрела на Виктора.

— Какой смысл им врать?

— Занимались сексом и случайно нажали на кнопку.

— О чём вы думаете, Елена Алексеевна?

— Что, не бывает?

— Где кнопка, а где спальня?

— Они что… — выпучив глаза, спросила начальница. — Они в детской спальне это делают?

— А где?

— Виктор Дмитриевич, срочно прекратить!

— Пойдемте, Елена Алексеевна. В нашей работе бывают нарушения дисциплины. Молодые люди пользуются служебным положением и приводят девушек. Мы с этим боремся. Вы не о том думаете.

— Возмутительно, на детских кроватках, как же так?

— У нас черти вылезли, — Виктор постарался переключить внимание начальницы. — Черти — это серьезно.

— О чём вы говорите. Чертей нет, — махнула рукой Елена Алексеевна.

— Понятно, — грустно сказал Виктор. — Библию на досуге почитайте. «И приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: всё это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорил ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Евангелие от Матфея, четыре, десять.

— К чему это?

— Если вы не верите, тогда ни к чему. А с другой стороны, если дьявол искушал Иисуса, то и черти на детский сад могут напасть. Мир — большая загадка. Хотите, Зина вам погадает?

— Их уволить по статье, — опять перейдя на повышенный тон, почти прокричала начальница.

— Не нервничайте вы так. Инсульт разобьет. Пусть люди работают.

— Надо наказать.

— Не надо наказывать, надо создать условия для работы. Организуем попа. Проведем ритуал очищения, поставим кассовый аппарат, будут платить проценты.

— Какой аппарат? — дергая глазом, спросила Селезнева.

— Я пошутил, будут фиксированную сумму платить. Как самозанятые.

— Виктор Дмитриевич, я вынуждена буду доложить.

— Елена Алексеевна, у вас все хорошо? — учтиво спросил Виктор. — Вы какая-то взвинченная. Не надо так реагировать. Если с вас требуют объяснительную, напишите, что на объект было проникновение, предположительно граждан без определенного места жительства. В скобках — бомжей. Отметьте, что оперативная группа быстрого реагирования ничего не обнаружила. Не накручивайте себя. Хотите, мы вам в профилакторий энергетиков путевку выпишем?

— Какую путевку? Я на работе. С меня требуют.

— Кто требует? — уточнил Виктор.

— Министерство.

— Не заблуждайтесь, — мягко сказал Виктор. — Министр на летучке только поинтересовался. Он не требовал. Вы можете даже не писать объяснительную. Он уже забыл. У него без вас проблем хватает. Елена Алексеевна, вам больше заняться нечем? Займитесь ребенком, ваша девочка вчера сольфеджио пропустила.

— Откуда вы знаете?

— Дмитрий Александрович в журнале посмотрел.

— Кто такой?

— Наш сотрудник в музыкальной школе.

— Вы страшный человек, — призналась Селезнева.

— Согласен, но могу быть полезным.

— Хорошо, — Селезнева обмякла. — Будем работать.

— Лучше дружить, — добавил Виктор.

Расставшись с начальницей управления, Виктор вернулся домой и рано лег спать. Но зазвонил телефон.

— Говорите, — ответил Виктор.

— Нашли, — сказал мужчина.

— Машину, — попросил он.

— Десять минут, — и положили трубку.

Автомобиль ждал его у крыльца, Виктор сел и спросил:

— Где?

— В Рыбацком, — ответил водитель.

— Поехали.

За тридцать минут они были в старом районе, на окраине города, в поселке рыбоконсервного завода, где за последние годы выросли многоэтажные дома. К автомобилю подошел мужчина в кепке с буквами «ФБР». Виктор открыл окно.

— Разрешите доложить.

— Говорите, пожалуйста.

— Подозреваемые, двое в квартире триста девять. Один приобрел билет на завтра до Ростова, другой на Калугу.

Виктор открыл дверь и вышел.

— Что мы знаем?

— Имена, фамилии, на одного есть досье, отбывал по сто пятьдесят восьмой. Второй не привлекался.

— Двое были? — спросил Виктор.

— Пока не доказано, скорее всего, был третий. Он убил.

— Почему?

— У этих нет товара. Предполагаю, что третий скрывается в другом месте. Найдем. Не вопрос, дело техники. Разрешите действовать?

— Что собираетесь предпринять?

— Войдем, допросим.

— Действуйте.

— Есть, — мужчина отошел, вынул из кармана рацию и произнес: «Вышка постам. Начали». Из рации раздалось: «Принял, принял, принял».

Через пять минут Виктор входил в квартиру на двадцать первом этаже. На диване в наручниках сидел парень лет тридцати, рядом стоял человек в маске. На полу в кухне лежал мужик в трусах, его руки были скованы наручниками за спиной.

Виктор громко сказал:

— Мне нужен убийца. Если скажете, где он, и мы его возьмем, вас отпустят, — Виктор не стал дожидаться ответа, развернулся и вышел.

На лестничной площадке его догнал мужчина, докладывающий ситуацию у автомобиля.

— Разрешите уточнить, — спросил он.

— Да, — повернулся Виктор.

— Нас интересует товар?

— Обнаружите, оприходуем в кассу, вашим людям выплатят премию.

— Так точно, — мужчина развернулся и зашел в квартиру, закрыв дверь.

«Из офицеров», — подумал Виктор и шагнул в лифт.

Автомобиль привез его домой. Приняв душ, Виктор лег. Сегодня после смены он не успел отдохнуть. Выпив стакан теплого молока, он включил лекцию об истории и стал слушать о жизни царя Алексея Михайловича. Примерно через полчаса, монотонный голос лекторши его усыпил.

В городе включили фонари, на работу выехала уборочная техника. Хулиганы за гаражами распивали крепкое пиво. Дизайнер Ирен шла домой. Из подъезда вышла парочка и поехала в ресторан. От реки поднимался туман. Голуби уснули. Началась очередная смена.

В это время группа мужчин на двух автомобилях ехала по городу на восток. Они вышли из квартиры, где оставили двух преступников, закованных в наручники, и двух охранников. Бандиты не сопротивлялись и рассказали все, что знали. Их даже не били и не надевали на голову полиэтиленовый пакет. Когда Виктор вышел из квартиры, тот, что лежал лицом в пол на кухне, спросил:

— Кто это?

— Лучше тебе не знать, — посоветовал ему боец.

— Кто старший? Я все скажу, — заерзал он на полу.

— Конечно, скажешь, — ответил боец. В это время в квартиру зашел мужчина в кепке «ФБР».

— Командир, он готов, — доложил боец.

Сегодня Виктор не видел снов. Проснулся рано, вставать не хотелось, опять болела спина. Он поправил подушку, но уснуть не получилось. На телефоне было сообщение:

— Взяли.

Виктор умылся, глядя в окно, позавтракал. Оделся и позвонил:

— Машину.

— Пять минут, — ответили ему.

Виктор обулся и вышел. Во дворе было тихо. Раннее утро в городе — особое время, скоро все зашумит, поедут машины, выйдут люди. Город начнет вонять, а утром он пахнет свежестью. Хотя ночью не было дождя. Дворники помыли проспект, вода уже высохла, и пока было чисто. Последнее время даже утренний город не радовал Виктора. Его раздражали вывески на магазинах, рекламные баннеры, пыльные переулки. Автомобиль выехал на загородное шоссе. Через восемнадцать минут они остановились у двухэтажного барака. В палисаднике росли астры и ноготки. У окна в подвал лежала пестрая кошка. Виктор вылез из машины. К нему подошел мужчина в кепке «ФБР».

— Здравия желаю. Разрешите доложить, — обратился он к Виктору.

— Доброе утро, мы не в армии, можно проще, — сказал Виктор, пожимая руку мужчине.

— Так точно, — улыбнулся мужчина. — Привычка, сэр.

Виктор тоже улыбнулся:

— Что там?

— Упаковали. Орудия убийства, понятно, нет, но наш клиент.

— Говорить может?

— Вполне. Выглядит не очень, извините, перестарались при задержании.

— Признался? — зачем-то спросил Виктор.

— Мы не спрашивали. Не наше это дело. Поднимитесь? — спросил мужчина, указывая рукой на железную дверь в подъезд.

— А зачем? Вы свою работу сделали. Благодарю. Звоните капитану.

— Есть. Простите, позвоню, — ответил мужчина.

— Товар нашли? — спросил Виктор.

— Так точно.

Виктор протянул руку. Мужчина пожал ее.

— Всего доброго, — пожелал Виктор и сел в автомобиль.

По дороге в город он вдруг задумался о справедливости. Каждый занимается своим делом. У него дело полезное, а у воров — нет. А не было бы их, у Виктора не было бы работы. Он не может приказать убить убийцу приятеля, почти друга юности. Но может помочь закону. Может неофициально попросить ужесточить наказание для убийцы. Он даже не спросил, как зовут гада. Доверял своим людям. Они специалисты, если сказали, что это тот, так и есть.

Виктор распорядился, чтобы юрист следил за этим делом. Когда оно пойдет в суд, он решит, как поступить. Если убийца доживет до суда. Надо, чтобы дожил и мучился. А справедливо обрекать его на мучения? Может, глаз за глаз. Позвонить, сказать, чтобы кончали, и завтра он повесится в СИЗО. Но это не справедливо.

Виктор смотрел в окно на проснувшийся город и говорил себе, что не имеет права лишать человека жизни. Он думал, почему его это волнует. Он сделал работу, убийцу нашли. Изъяли ценности, отпустили воров.

В это время парень, что сидел в комнате, уже шел на вокзал. У него был билет на автобус до Ростова, а у кореша — до Калуги. Когда им расстегнули руки и охранники в масках вышли из квартиры, он спросил:

— Что это было?

Из кухни на четвереньках выполз второй.

— Вляпались мы, Перчик.

— Кривой, ты как? — Перчик встал и подошел к подельнику. — Валить надо.

— Уже не важно. Сяву точняк свинтили, — парень попытался встать, и Перчик помог ему.

— Уверен? — спросил он.

— Бля, ты их видел? Однозначно. Прикопали уже в лесополосе, — Кривой поковылял к дивану. — Собирайся и вали, я отлежусь и тоже.

— Чё будет? — спросил Перчик у кореша.

— Не ссы, уже ничё не будет. Сяву можешь забыть. Эти не прощают.

— Кто они?

— Похуй, — развалившись на диване, сказал Кривой. — ФБР, ЦРУ, ФСБ, КГБ, АМБ — уже не важно. Живыми оставили и ладно, но теперь нам капец.

— Чё? — выглядывая в окно, спросил Перчик. Это был молодой парень в синей футболке с черепом на груди и модной стрижкой, сделанной вчера в ближайшей парикмахерской. На ноге у него была татуировка дракона, а под глазом — синяк.

— Не отстанут, — ответил Кривой и потянулся. Руки болели. Он пролежал на полу в наручниках несколько часов. Когда попросил сесть на стул, его больно пнули по ребрам. Перчику повезло, его свинтили на диване.

— Будем считать, что фортануло. Езжай в деревню, может, и пронесет. Если Сява жив, то услышим, чё да как. Но сомневаюсь я.

— Дядьку главного видел? — спросил Перчик.

— Я мордой в пол лежал, а чё?

— Страшный какой-то, серьезный, на легавого не похож.

— Все, вали, не тупи, Перчик.

Сумка стояла за дверью, он схватил ее, подошел к корешу, протянул руку.

— Пока.

— Давай, — ответил Кривой и закрыл лицо руками.

Он попытался повернуться и простонал:

— Сукой буду.

Полицейские нашли Сяву прикованного к батарее. На кухонном столе лежало колечко с биркой из магазина «Люкс» и подвеска с красным камнем. Капитан Сидоров узнал о задержании, придя на работу. Дежурный сообщил:

— Капитан, вам подарок.

— Ты о чём? — не сообразил Вова и пригладил усы.

— Типок из ювелирного в Октябрьском отделе.

— Как это?

— Бдительный гражданин стукнул.

— Ок, — кивнул Сидоров дежурному.

Он позвонил в райотдел, никто не смог объяснить, кто сообщил и почему подозреваемый был прикован к трубе. Вова догадался, что это дело рук того серьезного дядьки, который просил приглядеть за убийцей. То что Сява — его клиент, капитан не сомневался. Его даже допрашивать было не интересно. Но дело само себя не заполнит.

— Надо пообщаться с этим дядькой, — признался капитан.

— По-моему, это лишнее, — ответил лейтенант Егор Кулаков. Он листал дело избиения прохожего группой подростков.

— Любопытно, — процедил Сидоров.

— Зачем тебе, напорешься на контору, у них свои дела, тебе это надо? Вот смотри, что творится. Шел мужик, на него пять пацанов налетели, испинали, ничего не взяли и убежали. В наше время так не делали, — возмущался лейтенант. — Найду, щенков, и покараю.

— Двоюродный брат рассказывал, он на Первомайке жил, там такое было как за здрасти. Пока однажды гопота не запинала родственника какого-то авторитета. Братки напряглись, и беспредел прекратился. Прикинь, как жили, за правопорядком урки следили. Что-то не верю я, что этот Виктор Дмитриевич из конторы, другое тут.

— Не парься, капитан, пиши бумаги. Сколько они взяли?

— По оценке магазина — на сорок лямов.

— Врут, наверное, — оторвался от бумаг Егор.

— Зачем, у них на витрине все лежало, там браслетики по триста тыщ, колечки по сотке, десять колечек — лям. Легко сороковник наберется. Вот куда борохло делось, интересно.

— Об этом ты у своего дяди и спроси.

— Я похож на самоубийцу.

— Думаю, что за такую мелочь он тебя не тронет, — засмеялся лейтенант Кулаков.

После обеда Виктор Дмитриевич вышел из дома, прошел дворами, пересек школьный стадион, посмотрел на малышей, гоняющих баскетбольный мяч, и девочек-тинэйджеров, бегущих стометровку под крики тренерши: «Шевелитесь, коровы!». Он зашел в магазин, купил батон и направился кормить уток.

На солнечной стороне канала гуляли женщины с колясками, на теневой студенты юридического института пили пиво.

На пешеходном мостике стоял парень и смотрел на уток. Виктор встал рядом и стал крошить батон. Утки сбились в плотную кучу и вырывали друг у друга куски хлеба.

— Что нового? — спросил Виктор, не смотря на парня.

— Конкретнее? — переспросил тот.

— В общем, что нового? — повторил Виктор.

— А, в общем, биткоин то растет, то падает. Во Владивостоке крабы по три, а у нас по пять.

— Юмарист?

— Правда.

— А еще что? — Виктор откусил от батона.

— В доме старухи процентщицы прорвало трубу.

— Сильно залило? Хочешь? — Виктор протянул парню батон.

— Не знаю, — ответил молодой человек и отломил кусок батона.

Виктор подождал, пока парень прожует, и спросил:

— Расскажи, что на западе?

— Плохо. По восточной границе запада конфликт в острой фазе. В центре запада — уличные протесты и парламентский кризис. А на западе запада бушует атлантический океан. И только на крайнем северо-западе запада тихо, как в провинции.

— Что на юге? — уточнил Виктор.

— Там виноград, смуглые брюнетки с толстыми ляжками, туристы и нереальные цены на устриц. Просто неподъемные, все из-за туристов. Понаехали.

— Эмигранты как?

— Не видел, — парень потянулся к батону.

Виктор Дмитриевич отломил маленький кусочек и прицельно кинул в наглого селезня, который отбирал крошки у других уток.

— Не попал, — сказал парень, жуя хлеб.

— Что еще? — спросил Виктор.

— Кризис.

— Понятно. Что-нибудь новенькое есть?

— Пошли, погуляем, — развернувшись, предложил парень.

Из одного кармана у него торчала бутылка лимонада «Чебурашка», а из другого — журнал «Новое время» на английском языке. Не дожидаясь ответа, он пошел на солнечную сторону. Виктор выбросил остатки батона в воду, утки налетели на него и разорвали за секунду.

— Все плохо, — сказал парень.

— Везде? — спросил Виктор.

— Везде, а у нас еще хуже. Ничего конкретного сказать не могу, но вижу, что с каждым днем становится хуже. Посмотри, все ходят в черном.

— Это мода.

— Это траур по счастливой жизни. Когда радуются, надевают белое или розовое. Ты видел, чтобы свадьбы играли в черном?

— Видел.

— Вот дожили, даже невесты в черном. Я недавно проехал на автобусе от базара до площади Свободы. Так выглядит чума. Все злые, автобус чумазый, люди какие-то поношенные. Даже молодежь будто нестиранная. Темное средневековье в двадцать первом веке. Это не я капризный, это объективно. Радость жизни есть только в телевизоре.

— Ты телевизор смотришь? — спросил Виктор.

— Нет.

— А я смотрю. Нет там радости жизни, там бравые марши и тень смерти.

— Ты сегодня поэт.

— Сам ты поэт. Просто день рано начался.

— Тут ничего не поделаешь. Радоваться нечему. А надо бы.

— Я тоже так думал, но как-то пусто стало.

— Бежать надо, — сказал молодой человек, достал бутылку лимонада и отхлебнул из горлышка.

— Куда? — спросил Виктор, потянувшись за бутылкой.

— Просто бежать, можно по кругу.

Глава 4. Компот

Незапланированная утренняя суета выбила Виктора из размеренного дневного режима. После встречи на мосту он шел домой по главной улице. Оркестра не было.

У поворота во двор, перекрывая проход, стояла машина.

— Что-то важное, Дада?

— Надо.

— Долго еще?

— Сколько надо.

— Как скажешь.

— Пуся, если я сказал «надо», значит, так будет.

Их было трое. Толстый парень в темных очках за рулем, худой на переднем сиденье и сзади мужчина, приблизительно сорока лет, брюнет с яркой внешностью гражданина кавказской национальности.

— Сказал бы, кого ждем, — не оборачиваясь, спросил сидевший впереди.

— Какая тебе разница, все будет тихо, — ответил Дада.

Водитель молчал.

— Стрелять будем? — не унимался Пуся.

— Ты больной? В центре города, среди дня? Думай, что говоришь, да? — Дада похлопал Пусю по плечу. — Убери подальше.

Пуся вытащил пистолет из-за пояса и положил перед собой в бардачок. Он достал телефон, открыл «Телеграм» и стал читать криминальные новости на анонимных каналах.

— Что пишут? — спросил Дада.

— «Планируется ввести новую законодательную норму, обязывающую провайдеров связи приостанавливать обслуживание клиентов на основании запроса Федеральной службы безопасности», — прочитал он вслух.

— Что это значит?

— ФСБ решит, что ты занимаешь высшее положение в преступной иерархии, и отключит связь.

— А раньше типа не могли? Насмешил. Зря ты это читаешь, Пуся.

— А чё делать, все равно ждем?

— Читай книги. Классику там или современное что.

— У меня еще все впереди. Библиотека на Куете не дочитана.

— Если доживешь, — сказал Дада.

Водитель глянул на кавказца и перевел взгляд на соседа. Пуся пожал плечами. Машину обошел высокий мужчина в костюме. Пуся не разглядел его лица.

— Так, всем сидеть. Один пойду. — Дада вышел. — Виктор Дмитриевич, подождите, пожалуйста. Здравствуйте.

Виктор обернулся. Его догонял кавказец в кожаной куртке и малиновых мокасинах.

— Добрый день.

— Виктор Дмитриевич, разговор есть, — оглядываясь по сторонам, негромко произнес Дада.

— Говори.

— Вы не против, если мы отойдем в сторону? А то маячим.

— Как три тополя на Плющихе, — добавил Виктор и пошел к ближайшему дереву. — Проход перегородили, людям мешаете.

— Простите, сейчас уберем, — ответил Дада и махнул рукой. Машина медленно покатилась за угол дома.

— Что у тебя? — спросил Виктор.

— Неправильно вы поступили, — начал Дада.

— Предъявляешь? — не понял Виктор.

— Сяву закрыли к опущенным, а он в натуре не такой.

— Понятно. Азар, правильно?

Дада кивнул.

— Меня это уже не касается.

— Виктор Дмитриевич, уважаемый, мы понимаем. Ваше право — найти, наказать. Если даже зарезать как собаку, это ваше дело. Но так поступать неправильно.

— Странные у вас правила.

— Ничего странного, все по понятиям.

— У нас с вами разные понятия. Мы охраняем, вы воруете. Что сделал, то сделал. Если дадите денег на тюрьме — ваше дело, я не полезу. Но если начнете давить, знаешь, мы найдем способ объяснить прокурору. Он убийца и не выйдет.

— Понимаю, не станем разводить лишнего. Сява — вор, а у вас сторож. Так всегда было. Воры убивали сторожей.

— Но воры никогда не просили за своих. Попал, пусть тянет. Странная мораль нарисовывается.

— Времена, Виктор Дмитриевич, поменялись. Ваши к нам тоже попадают, — Дада оглянулся.

— Бывает. Такая работа, а люди слабые. Как там говорят, у реки да не напиться. Мы на ваш общак не вносим. После того как наш попался, мы умываем руки.

— Да, он становится нашим. Запутанная жизнь. Я правильно понял, если мы решим, то вы не встрянете?

— Все, что на тюрьме делается, — ваши заботы.

— Договорились. Хорошего дня, Виктор Дмитриевич. — Дада протянул руку, но вспомнил и спрятал в карман. — Да, да, простите.

Виктор развернулся и направился к подъезду. Азар Дадашев по кличке Дада завернул за угол и сел в машину.

— Что за лох? — спросил Пуся.

— Не твое дело, — ответил Дада и приказал: — Поехали.

— Куда? — спросил толстый водитель.

— В «Луну», — отмахнулся Дада.

Азара просили перетереть, он поговорил, теперь пусть решают. Если у Сявы есть чем башлять, как он свистит, его выведут. Но Дада не верил, что у Сявы остались бабки. После того как попал к этим, они вытрясут подчистую. Эти не церемонятся. Зря Сява завалил сторожа. Придурок. Сам Дада отбыл по двести двадцать второй.

Виктор зашел домой. Разговор с уголовником был нервным. Надо соблюдать мир. Даже они понимают, что каждый на своем месте. И знают, что их Сявка убил человека. У них по понятиям это в порядке вещей. А у него нет. Виктор зашел на кухню, включил чайник, достал из холодильника кусок пиццы. За окном был город со своими законами.

Сегодня был выходной, Виктор собирался провести вечер дома. Он думал сварить компот, как это делала жена. Она хорошо готовила, особенно у нее получались печеные пирожки с мясом и компот из сухофруктов. Она умела их выбирать на базаре. А он купил в ближнем магазине, надеясь, что туда не положили гнилых абрикосов.

Виктор открыл балконную дверь, включил музыку и сел в кресло. Жена уехала к дочери в американскую деревню. Она давно хотела жить на земле, ее тянуло к хозяйству, хотелось козу и куриц. Она завела корову, поросенка, индюков. После войны уже не приезжала, боялась, что не отпустят.

Зазвонил телефон.

— Слушаю, — ответил Виктор.

— Это… Макова.

— Здравствуйте.

— Мы вечер памяти организовали, не хотите прийти? — спросила вдова.

Виктору было неудобно отказывать.

— Когда? — спросил он.

— Сегодня, в пять, в центральной библиотеке. Будут друзья, знакомые… — всхлипнула вдова.

— Простите. Много работы, — соврал Виктор. Он не хотел менять планы, идти в библиотеку, говорить о литературе, смотреть на скорбные лица.

Сидя перед открытым балконом, он собирался сварить компот по рецепту жены и посмотреть исторический канал на «Ютубе».

— Если сможете, приходите, мы вам так благодарны. Володя всегда о вас говорил как о настоящем друге. У него друзей не осталось. Слава в Петербурге, Миша в Москве. А вы для него были примером. Он говорил: «Смотри, какой человек». Приходите, пожалуйста, если получится.

— Спасибо, постараюсь, — опять соврал Виктор. Он уже решил, что не пойдет. В библиотеке будут немолодые женщины из литературного кружка, они начнут расспрашивать или вспоминать, как все любили Макова.

Несколько раз Виктор ходил на такие вечера. После мероприятия они с Вовой заходили в пельменную, выпивали и трепались.

— Мы вас будем ждать, — сказала вдова.

— Всего хорошего, — пожелал ей Виктор и положил трубку.

Свою домашнюю библиотеку Виктор увез в дом престарелых, там любили читать, а ему книги были уже не нужны. Виктор читал в планшете.

Жена упрекала, просила, чтобы не выбрасывал книжки. Виктор не выбросил, а подарил. Но жена была против.

— Оставь, пригодятся, — не могла успокоиться внучка учительницы русского языка и литературы.

— Для чего? — спорил Виктор.

— Печку топить, когда отопления не будет. — Это был мощный аргумент.

— Книги плохо горят, — вспомнил Виктор.

— Ты не умеешь ими топить, надо рвать и мять.

Но когда жена не вернулась из-за океана, он увез книги старикам и даже не пожалел книжки Макова с автографами.

— Хватит сегодня о нем, — сказал Виктор. Компот кипел, осталось его остудить и дать постоять.

Уголовник Кривой, по паспорту Денис Романович Кривошеев, выглянул в окно, ничего подозрительного не увидел. Собрал рюкзак, выбросил из телефона сим-карту, вставил запасную, посидел на дорожку. Вышел из квартиры и пошел вверх, на последнем этаже он ловко открыл примитивный замок на чердак. Если за ним следили, то когда он выйдет из дальнего подъезда, у него будет минута повернуть за угол. Это не спасет, но так ему было спокойнее.

Натянув капюшон, он выскочил из подъезда, повернул за угол и побежал на остановку троллейбуса. Кривой не думал о подельниках и не поехал на вокзал. Он доехал до конечной остановки, вызвал такси, доехал до кафе за городом и там за наличные, не предъявляя паспорт, сел в автобус до ближайшего города.

А Перчик ехал в Ростов и не переживал. Он еще не сидел, к делу его подтянул Сява, с которым он был знаком через парней на авторазборе, где последний год перебивал номера.

Перчик — его настоящая фамилия, звали его Матвей. Когда Сява и Кривой вышли из ювелирного, он понял, что дело — жопа. Кривой молчал, а Сява сказал:

— Разбегаемся, как договорились.

Только на квартире Кривой сказал, что Сява слетел с катушек и завалил сторожа.

— Теперь за нами убийство, кранты, Перчик. Отсидимся и надо валить.

Но не успели: на пятый день утром к ним вломились люди в масках, и теперь Матвей едет в Ростов. Там есть куда спрятаться. Он не убивал, стоял на шухере, но и за это дадут пять лет, а может больше. Перчик хотел домой, к бабушке.

Виктор налил компот в большую кружку. Как у жены не получилось. Он открыл планшет, включил передачу о князе Андрее Боголюбском и увлекся.

В школе он не любил историю. Когда рассказывали, что Ярослав пошел на Мирослава, а Святослав на Бориса и Владимира, он сразу забывал, кто был за кого. История Первой мировой была интереснее, но ее мало изучали. Историю Второй мировой войны учили, но Витя не любил войны. Древний Египет был так далек, что ему трудно было представить, где это древнее царство. А имена фараонов ему не удавалось выговорить. Греция и Рим тоже все время воевали. В Европе сражались короли, а между войнами была чума. В школьные годы Витя историю не любил, а к старости задумался: что же было между войнами, как люди жили, что строили? Когда они успели построить города, каналы и даже дороги? Вот и Боголюбский успел построить церковь — до сих пор стоит.

Надо к Ивану заглянуть, вспомнил Виктор. И решил, что завтра смена, а послезавтра он зайдет. Город строился на его глазах, нельзя сказать, что стремительно. Где-то дома росли как сорняки, по окраинам возводили человейники, как называют теперь жилые массивы. Виктор пару раз заезжал в новые районы, у него остались неприятные впечатления. Но и там живут люди.

Десятого ноября прошлого года он обратил внимание, что в телевизоре забыли сказать о смерти Брежнева. Леонид Ильич восемнадцать лет руководил страной. Виктор считал, что это были «золотые годы» СССР. Он хорошо помнил пустые полки магазинов, пирамиды из пачек маргарина, банок сайры и морской капусты. В детстве он ходил за молоком с бидоном, как делали все дети страны Советов. Молоко в треугольных пакетах было редкостью, к тому же эти пакеты безбожно текли.

В школе заставляли учить «Апрельские тезисы» и другие выступления Ленина. Они конспектировали на уроках истории речь Брежнева на двадцать шестом съезде КПСС. А вещи покупал на барахолке.

Виктор не считал себя политическим активистом и не любил, когда заводили разговоры о том, что в СССР были бесплатные квартиры. Его отец стоял в очереди на жилплощадь шестнадцать лет, и не дождался, встал в очередь на кооператив. Но все эти годы как проклятый горбатился на заводе. После того как купили кооператив, папа ушел в научно-исследовательский институт, платили там меньше, но условия были легче.

В НИИ квартиры не давали. А маме на работе сказали, что она уже стоит в очереди по списку мужа, а два раза записываться нельзя. Тут вам не почта, где работают два окна и у кого-то есть шанс быть первым.

Советский Союз Виктор не любил, но вспоминал веселые истории, как с другом продавали джинсы или как ему достались шикарные кроссовки. Была очень смешная история, когда они ездили в совхоз покупать вороновую свинину. Студенты думали, что им вынесут мясо, а пьяный скотник привел живую свинью. А как можно забыть трехлитровые банки зеленых помидор? Это символ СССР. Страна была красная, а помидоры зеленые. Их так и называли — вечнозеленые.

Виктор считал, что от смерти Брежнева начался отсчет развала. Если бы политбюро назначили генсеком Воротникова, то страна могла устоять. Виктор ничего о Воротникове не

знал, но прочитал, что тот умер в 2012 году, значит, крепкий был дядя. Если бы они не начали гонку на лафетах, жили бы в СССР. Хотя какая разница, казахи отдельно живут или в СССР? — говорил он жене, когда она вспоминала, что «весь север Казахстана наш». Он пытался спросить: «С какого времени он наш?» Но с женой лучше не спорить. Ее нужно обнимать и целовать. Жена у него была не глупая, но упертая.

Политикой Виктор почти не интересовался. Не смотрел ток-шоу, не читал газеты, не бывал на митингах. Но обязательно ходил на выборы. Он предлагал ввести штраф для тех, кто не ходит на выборы. Голосование — это обязанность гражданина, как спасательные жилеты в лодке: может, не всегда спасет, но труп искать будет проще.

Витя дотянулся до телефона, набрал в поисковике: «Воротников КПСС», и прочитал:

«Виталий Иванович Воротников, 20 января 1926, Воронеж, РСФСР, СССР — 19 февраля 2012, Москва, Россия — советский партийный и государственный деятель, председатель Президиума Верховного Совета РСФСР (1988–1990), председатель Совета Министров РСФСР (1983–1988), член Политбюро ЦК КПСС (1983–1990), Герой Социалистического Труда (1986). Родился 20 января 1926 года в Воронеже в семье рабочего. В октябре 1942 года был назначен контролером Отдела технического контроля (ОТК) механического цеха. В КПСС вступил в 1947 году. В 1948 году был назначен начальником технолого-нормировочного бюро. В апреле 1951 года был назначен заместителем начальника цеха… ага… В сентябре 1955 года был избран секретарем парткома завода».

— Вот оно как, — удивился Виктор и продолжил знакомиться с биографией Воротникова. — «В январе 1960 года избран на должность заведующего промышленно-транспортным отделом Куйбышевского обкома КПСС. В 1961 году — секретарем Куйбышевского обкома КПСС по промышленности».

— Когда в Москву? — спросил Виктор и прочитал: — «В 1970 году избран депутатом Верховного Совета СССР, оставаясь депутатом Верховного Совета РСФСР. В феврале 1971 года был назначен первым секретарем Воронежского обкома КПСС».

— То есть губернатором области, — сказал Виктор. — «В 1975 назначен первым заместителем председателя Совета Министров РСФСР, а в 1979 году — Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Республике Куба».

— Накосячил, если в послы сослали, — догадался он. — «В июле 1982 года отозван с поста посла, избран на пост первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС».

— А Брежнев умер в ноябре. Не успел он в члены политбюро. Да и хрен с ним.

В этот момент позвонили в дверь — не снизу, в домофон, а в старый звонок у входной двери. Можно было не вставать, не подходить, но, скорее всего, беспокоили соседи. Виктор отложил телефон, нехотя поднялся, кресло скрипнуло. С перил балкона взлетел голубь. Посмотрев в глазок, он открыл дверь.

— Здорово, сосед.

— Здравствуй.

Сосед был одет в спортивный костюм и чистые тапочки.

— Заходи, — пригласил Виктор.

— Ты прости, я без дела, но повод есть, — оправдывался сосед.

— Какой? — сухо спросил Виктор.

Сосед был приличным человеком, работал на фабрике пластмассовых изделий. Однажды Виктору нужны были пластиковые трубы, и Ельферман организовал в лучшем виде.

— Помнишь кино «Старики-разбойники»? — спросил сосед, проходя на кухню.

— Кусками, а что? — поинтересовался Виктор.

— Там, как его, второго, который друг Никулина?

— Евстигнеев, — помог Виктор.

— Его на пенсию выпроводили, а он не хотел.

Сосед сел, Виктор сел напротив.

— Я на пенсию ушел, — широко улыбаясь, сообщил Ельферман и запел: — Та-та-да-да, ви ар зе чемпион.

— Забавно, — на Виктора не подействовал бодрый настрой соседа.

— Мне вчера пенсию перечислили.

— Поздравляю, — зачем-то сказал Виктор.

— Ты прости, но составь компанию. По рюмочке за такое дело, а то не с кем.

— Ладно, давай.

— Некуда мне больше пойти, на работе моя пенсия не считается, я не брошу производство. Пока силы есть, буду работать. С детьми выпил на дне рождения. Представь, я им звоню и заявляю: «Давайте отпразднуем мою первую пенсию». Согласись, глупо. А к тебе вроде бы нормально. Ты не против? Что делаешь? — спросил сосед.

— Ничего, — ответил Виктор и глубоко вздохнул.

— Давай в шашки сыграем, — предложил Ельферман. Вообще-то все звали его коротко — Эльф.

Виктор встал, открыл шкаф, в котором хранили хрусталь. Сосед ловким движением извлек из рукава бутылку виски.

— Закусить нечем, есть компот, — ставя на стол рюмки, сказал Виктор.

— Прекрасно, Виктор Дмитриевич. Обожаю ягоды из компота? Сам варил?

— Нет, жена прилетела из Америки.

— Шутишь!? — не то спросил, не то подтвердил Эльф.

Виктор налил компот в чистую пивную кружку, долил себе и выложил ягоды в хрустальную вазу.

— Торжественно, — сказал сосед и свернул крышку виски. — Давай, что дожил.

— Что, не верил?

— В последнее время часто думал об этом, но, знаешь, они могли опять передвинуть сроки. Очень хотелось успеть побыть пенсионером. Пионером был, комсомольцем был.

— Октябренком, — напомнил Виктор.

— Да, был, — сосед поднес рюмку, они чокнулись и выпили.

Виктор выдохнул:

— Только что всю эту хрень вспоминал, полез, посмотрел, кто такой Воротников.

— О, боже, вот до чего одиночество доводит.

— Кто бы говорил.

— Я вдовец, и у меня девушка есть.

— Пятидесяти пяти лет, — уточнил Виктор.

— На десять лет меня моложе.

— А что ты с ней не отмечаешь?

— Мы живем в разных мирах и встречаемся только по обоюдному согласию. А сегодня незапланированный праздник. Мне на карту пенсия упала, смотрю — деньги пришли, и понимаю: это официальная старость.

— Когда нам было по пятнадцать лет, трудно было представить, что доживем.

— Пятьдесят лет пролетели как истребитель над пустыней.

— Скучаешь? — подперев голову рукой, спросил Виктор.

— Насмотрелся всякого. Не поеду пока. Зачем детей напрягать? Они и так на взводе. Не представляю, как жить под бомбежкой.

— А у нас типа мир и спокойствие?

— У нас где-то там, а тут тишина.

— Ты новости не читаешь? Знаешь, сколько сегодня сбили?

— Видел, не пугай. Доставай шашки.

— Пошли в комнату, — Виктор встал и захватил рюмки. Эльф взял вазу с ягодами и ложки.

В шашки они играли редко, случалось, что сосед заходил в гости без причины. Особенно после того как умерла его супруга, а Витина жена уехала за океан. Играть в шахматы не хотелось, не было настроения. Шашки — быстрее, веселее что ли. Виктор доставал отцовские шахматы, и они играли ими в шашки.

Мужчины сели за невысокий стол, раньше такие почему-то называли журнальным. Виктор раскрыл шахматы. Они расставили фигуры. Сосед налил виски.

— За все хорошее.

— Давай, — согласился Виктор.

Они выпили.

— Ходи, — предложил Виктор. — У тебя праздник, старикам у нас почет.

— Конечно. Все для молодых, тупых и жадных, — сделал первый ход Ельферман.

— Чего ты? — двинул пешку Виктор.

— Жадных — это может даже хорошо, сам такой был, — сказал сосед и двинул следующую фигуру.

— Тупость тоже пройдет со временем, — возразил Виктор.

— Не у всех. Ходи, — поторопил Ельферман.

— Не заводись, молодежь как молодежь, разные встречаются. Есть тупые, есть умные. У меня есть знакомый, очень даже ничего.

— Сколько ему?

— Тридцать, наверное.

— Виктор Дмитриевич, я о тех, кому восемнадцать. Тридцать — взрослый человек. Ты когда последний раз говорил с подростком?

— Это сколько?

— Примерно от семнадцати до двадцати трех, — сделал следующий ход сосед.

— Почему не с шестнадцати до двадцати пяти? — ответил Виктор.

— Шестнадцать еще дети, а в семнадцать школу заканчивают.

— А не в восемнадцать? В семь пошли, одиннадцать классов, получается восемнадцать, — прикинул Виктор.

— Мои в шесть пошли. В семнадцать школу закончили, а в двадцать три — институт. Ты когда институт закончил?

— Я в армии был, — срубил шашку Виктор.

— А я годный к нестроевой в военное время. Так, я сюда и сюда, — Эльф срубил пешку и слона.

— И что тебе молодежь?

— Просто тупая.

Виктор сделал ответный ход и провел пешку в дамки, заменил ее на короля.

— Шах и мат, — объявил он.

— Смешно, — сказал Эльф и отвлекся от партии, чтобы налить виски.

— Не гони, — попросил Виктор.

— Как скажешь, покурим?

— Пошли на балкон, — согласился Виктор. Они вышли на балкон, у Виктора там была чистота и порядок, что редко встречается на балконах. Они облокотились на перила и закурили.

— Я что завелся? Был на днях в Политехе. Зашел по делу к знакомому. Он нам практикантов присылает. Спрашиваю, что да как. А он отвечает: «Не хотят они работать на производстве, хотят в курьеры. Там платят больше».

— Все работы хороши, — вспомнил Виктор.

— Трубы тоже надо делать, ящики для бутылок нужны.

— Купите робота.

— Мы уже почти все автоматизировали, но в наладку этих роботов нужны люди. Где настроить, где отверткой покрутить. Их смазывать тупо надо.

— Это и рабочий сможет сделать, зачем тебе студент?

— Пэтеушников к этим железякам нельзя подпускать. Сломают. Тут нужен человек с образованием. Я товарищу говорю: «Сколько курьеры зарабатывают?» И ты знаешь сколько?

— Примерно, — ответил Виктор.

— У нас на заводе меньше.

— Не уговорил?

— Всего трое согласились. Придется китайцев нанимать.

— Зачем? — удивился Виктор.

— Они с первого раза понимают, что можно крутить, а что нельзя. Это их роботы. Они с ними быстро общий язык находят.

— Они у вас говорят?

— Кто? — не понял Эльф.

— Роботы.

— Нет еще, но чувствую, скоро начнут.

Они затушили сигареты и зашли в комнату. Ельферман налил виски, и мужчины продолжили играть в шашки.

— У тебя как дела? — спросил сосед.

— По-всякому, дошел до того, что сейчас о СССР думал, — признался Виктор.

— Бог с тобой, не вспоминай. А прикинь: завтра просыпаемся — и на площади обком партии. В телике политбюро вручает ордена, и диктор говорит: «Члены Центрального комитета товарищи: Андропов, Суслов, Громыко, Зайков, Воротников…»

— Тоже Воротникова помнишь? — удивился Виктор.

— Только по фамилии, а кто такой?

— Я до тебя глянуть, кто он.

— Зачем? — удивился сосед. — Боишься, что встанут из могил? Лишь бы усатый не поднялся из гроба. И что твой Воротников?

— Такой как все, но был в его биографии странный поворот. Карабкался он наверх, стал замом председателя Совета Министров в семьдесят пятом.

— Мне пятнадцать исполнилось.

— В семьдесят девятом его послом на Кубу зафутболили.

— Да, при Леониде Ильиче были травоядные времена. При Сталине — сразу в расход.

— Это не конец. В восемьдесят втором, еще до смерти Брежнева, его спешно возвращают по просьбе Андропова, так и написано. И ставят губернатором Краснодара.

— Первым секретарем обкома партии, — поправил Эльф. — Да, с зампреда Совмина до посла, а потом в губеры. Что-то не гладко. А смысл в чем?

— Я, грешный, подумал: если бы они после Брежнева нормального поставили, а не дряхлого Черненко, то и страна могла устоять.

— Ты страдаешь, что ли?

— Нет, задумался. Без причины. Просто компот варил.

— Нормальный компот, — Эльф подцепил ложкой из вазы чернослив.

— У жены компот был домашний, а у меня — столовский.

— Как странно у людей мозги устроены, — Ельферман давно выиграл, долго гонял последнюю дамку по диагонали, но добился своего. Виктор сложил шахматы. Сосед налил. — Жалко, что не в шестьдесят, уже бы пять лет пенсию получал.

— Тоже о СССР думаешь? — спросил Виктор.

— Ни за что, я пионеров не люблю, Виктор Дмитриевич.

— Пионеры что тебе сделали?

— Они ничего, а вот комсомольцы — твари продажные.

— Ладно, проехали, — успокаивал Виктор соседа.

— Вот и не будем вспоминать. Но согласись, твари.

— Давай выпьем за тебя.

— Погоди, Виктор Дмитриевич, ты сначала согласись, — настаивал Эльф.

— А ты уже бухой.

— Для этого и пили. Виктор, я тебя уважаю, но ты должен признать: комсомольцы — двуличные твари.

— Уговорил. Двуличные. Но они не виноватые, время было такое.

— Ох, не прав ты, Виктор. Да ладно, не стану спорить. Ты просто добрый.

— Будь здоров, пенсионер.

— Буду.

Они выпили, вышли покурить, поговорили о погоде и больше не вспоминали о СССР.

Глава 5. Субботние хлопоты

Ирена по знакомству в отделе правительства получила заказ на проект ремонта столовой в главном корпусе администрации. Ее предупредили, что всё должно быть благородно и неброско, никакого золота и лепнины, ни красного, ни чёрного. Стены в нежных тонах, мебель удобная, свет мягкий. Ирен предложила эскиз проекта, осталось посмотреть помещение, но днём её не пустили. Сказали: «Приходите в девятнадцать тридцать, вас проводят».

— Почему? — спросила она у начальника службы контроля.

— Если не можете, не приходите, отдаём заказ другим. Тут очередь, — ответил он, не скрывая пренебрежения.

— Могу, — согласилась Ирена. И подумала: «Странно это».

Начальник смотрел на нее и перебирал, как учили: «Брюнетка, сто семьдесят, карие, нос обыкновенный, бёдра широкие, грудь ближе к четвёртому, не замужем, детей нет. А это мы не можем утверждать».

— Зайдёте со служебного входа, вас встретят, пропуск не нужен, — сказал он. — До свидания.

— Всего доброго, — кивнула Ирена.

Вечером у неё было намечено первое свидание с мужчиной. Они познакомились на сайте. Она недолго думала, что в приоритете — работа или личная жизнь. Ирена считала, что работа — тоже личная жизнь: если не будет денег, о личной жизни придется только мечтать. После института она вышла замуж. Жить было не на что, и они развелись. Спустя год бывший уехал за границу и стал хорошо зарабатывать. Она перебивалась от заказа к заказу. На жизнь хватало, кое-как скопила на маленькую квартиру. Но прошло двадцать лет, а того самого золотого проекта не предложили. Она грезила о заказе на всю жизнь. Сделать пятизвёздочный отель на триста номеров или государственный музей на тысячи квадратных метров. Хотелось заработать так, чтобы внукам хватило. Она была уверена, что когда будут деньги, эта пресловутая личная жизнь сразу наладится.

Последний год она уже не отрицала глубину проблемы. Мужчину она попросит перенести свидание, объяснит трудностями на работе. На фото он был интересный. Ей нравились высокие мужчины с обыкновенной внешностью. Она написала ему: «Здравствуйте, извините, случился аврал на работе. Предлагаю встретиться в другой день».

Она уже один раз встречалась с мужчиной по объявлению, на фотографии он выглядел привлекательно. Они сходили на выставку во Дворце культуры, посмотрели картины, ей понравился паркет. Придя домой, она подумала и решила, что не станет с ним встречаться. Объяснить она этого не могла, но чувствовала: не ее человек.

Весь день она провалялась дома, работы не было, предыдущий проект уже сдали. Строители сказали, что она лучший дизайнер на свете.

— Ты самый лучший, ва, — сказал плиточник Магомет и хотел её обнять, но она сбежала. Без прораба на стройку она старалась не заходить. Была научена опытом коллег. Однажды ее бывшую одногруппницу зажали в углу и полезли под юбку, она орала как свинья, боялась, что зарежут. Их общая знакомая рассказывала, что обошлось. Ирена не поверила. Она прикидывала, как бы сама поступила в таком случае, и не находила ответа.

— А чё орать? — жаловалась она кошке. Муська была единственным «человеком», кто её понимал.

Вечером Ирена надела спортивный костюм, не стала краситься, рассчитывая, что её никто не уведёт. Ей надо было только глянуть помещение. Жила она далеко и в центр поехала на автобусе.

— Сорок минут — и ты в цивилизации, — любила повторять маникюрша из салона, который расположился с торца их дома.

Сто пятьдесят третий автобус пилил по всему городу, делая восемьдесят восемь остановок. Наконец она добралась.

Сегодня была обыкновенная рабочая смена. Виктор приехал без пяти шесть. Сделал осмотр. Доложил в центр. По плану пора было ужинать, но его предупредили, что в полвосьмого зайдёт дизайнер.

— Пора ремонт делать, ты сам просил, — сказал ему начальник службы контроля. — Извините, Виктор Дмитриевич, это займёт пять минут.

— Днём нельзя было? — проворчал Виктор.

— Днём пропуск надо оформлять, геморрой.

— Пусть приходит, — согласился Виктор.

— Вот пароль: Ирена Голубкина.

— Женщина?

— Около сорока, — уточнил начальник и добавил: — Симпатичная.

— У тебя все симпатичные, даже лошадь Пржевальского.

— А что тебе не нравится? Лошади все красивые, — возмутился начальник службы контроля.

— Что ей показывать?

— Столовую и пищеблок. Пусть мерит, если надо. Фотать можно, — начальник понял, что разговор закончен. — Всё, пока, Виктор Дмитриевич, добрых снов и мирного неба над головой.

— Спокойной ночи, — ответил Виктор.

Вернувшись в кабинет, он стал ждать. Ровно в семь тридцать в дверь позвонили.

— Слушаю? — спросил он.

— Дизайнер, пришла помещение посмотреть, — ответила Ирена.

— Имя, фамилия, документы, — строгим голосом приказал Виктор.

— Голубкина Ирена Дамировна, вот паспорт, — она держала паспорт перед закрытой дверью.

Виктор открыл.

— Проходите.

— Паспорт, — повторила Ирена.

— Не надо, у вас сумка большая, не положено, покажите.

— Что? — она хотела возмутиться, что её не предупреждали.

Но мужчина, открывший ей дверь, выглядел таким серьёзным, что она беспрекословно подчинилась.

— Откройте, — приказал он.

Она открыла сумку, он посмотрел.

— Можно закрыть.

Ирена закрыла сумку и оскорбилась.

— Спасибо, — прошептала она.

Архитектурных особенностей в этом помещении не было, всё как на плане, с которым она работала. Быстро осмотрев зал, она попросила:

— Проводите на кухню?

— Следуйте за мной, — мужчина провёл её в соседнее помещение.

Она внимательно осмотрела его и спросила:

— Проводите в подсобное помещение. Как вас зовут?

— Виктор Дмитриевич. Прошу, — сказал мужчина.

В этот момент Ирена подумала, что в этом складе, на мешках с макаронами, он, наверное, её изнасилует, а потом расчленит и спрячет в холодильной камере. Коленки тряслись, и она была готова кричать. Когда они вышли в зал, она обратила внимание на накрытый стол. Там стояли тарелки и лежали приборы.

— Ваш ужин? — должно быть, от пережитого страха зачем-то спросила она.

Мужчина обернулся, глянул на неё и произнёс:

— Вы закончили?

— Извините, пожалуйста, — пискнула Ирена и почувствовала себя лишней во всём мире. Зачем она спросила? Могла молча уйти, и не было бы так стыдно.

— Вы голодны? — улыбнувшись, спросил он.

— Нет, я так спросила, простите, — пролепетала Ирена.

— Хорошего вечера, — сказал он и показал на дверь.

Ирена выскочила из помещения, как суслик из норки.

«Куда я лезу?» — думала она. И сердце стучало у неё в висках. Отбежав за угол, Ирен остановилась и произнесла:

— Что это со мной, чего я так боюсь? Серьёзный мужчина. Приятно пахнет.

И ей стало ясно.

— Блин, это идеал, — она украдкой перекрестилась и пошла в ближайшую забегаловку выпить кофе, чтобы снять стресс. За кофе она решила, что пока не будет рассказывать об этом Муське.

В коридоре между кабинетом и входом в столовую витал аромат духов. «Хищно», — отметил Виктор и пошёл мыть руки перед ужином. Сегодня ему подали жареную горбушу, дикий рис, креветочный салат и яблочное пюре.

Виктор ел и думал о дизайнере. «Глаза интересные. Не обманывай себя, ты смотрел на буфера, а задница аппетитная».

— Не за столом, — остановил себя Виктор и посмотрел в окно.

Смеркалось. Хулиганы напились дешёвой водки и вышли искать приключений.

Ирена сидела в кафе и фантазировала о счастливой безбедной старости с мужчиной, как этот Виктор Дмитриевич. Мечты её были самыми примитивными. Загородный дом по собственному проекту. Два этажа, просторная веранда, колонны, всё современно, в стиле традиционной английской усадьбы. Мебель модерн. Сад с ёлками, чтобы зимой была зелень и на Новый год можно наряжать. И яблони, чтобы весной цвели, а осенью собирать урожай. Зона барбекю, печка для пиццы. Готовить Ирена не умела и поэтому не любила. Но по особым случаям они будут приглашать повара. Есть у неё знакомый парень, он работал в дорогом ресторане. Пытался за ней ухаживать, но был женатый. Для полной картины она заведёт собаку или две, чтобы им было не скучно. Ей сорок два года, дома только кошка. Она обрела идеал. У него был приятный голос и красивые руки. Когда он показывал, куда идти, Ирена специально посмотрела — кольца нет. Сколько ему лет? Наверное, за шестьдесят. Старый. Мне сорок два, тоже не девочка. Она встала и вышла из кафе.

Виктор поужинал и прошёл по длинному коридору администрации, поздоровался с постовым у входа.

— Здравия желаю, — ответил сержант.

Они поговорили о погоде, и Виктор вернулся к себе в кабинет.

Трое вышли на бульвар Революции. Фира отошёл за берёзу и не видел, как Тимка и Валерка остановили бабу.

— Мясистая девка, сиськи, жопа, всё на месте, — рассказывал Фира. — Когда я вышел, ширинку застёгиваю, смотрю — бля, она их пиздит. В натуре, как в кино. Тимке с локтя в нос. Он пополз, она Валерке с ноги в живот зарядила. Он согнулся, она ему коленкой в репу

со всего маху. Я ору: «Бля, чё за дела?» Она Тиме пырой в ребро. Он завалился и хрипит. Я подбегаю. Валерка кровищей захлёбывается, по роже сопли размазывает. Ну, я к ней.

— А дальше? — спросил парень в рваном бушлате.

Фира помолчал, поковырял щепкой под ногтем.

— Типа, каратистка оказалась. Чемпионка, бля. Чё я? Подскочил, замахнулся, думаю: щас ей с начала правой, а потом левой.

— Попал?

Фира выдохнул и грустно так произнёс:

— Вырубила она меня.

— Попал, — пожалел его парень.

— Загребли нас в обезьянник, менты спрашивают: «Кто вас отхуячил?» А чё я скажу? Пацанов на больничку увезли. Тимке рёбра сломала, Валерке нос. Нарисовали мне сто шестьдесят первую. А мы её только за жопу пощупать хотели.

— Тёлка-то красивая? — спросил небритый мужик.

— Да не помню, всё быстро так.

— Даже не узнаешь? — спросил парень в бушлате.

— Она, бля, поди, покрасилась, подстриглась, хер узнаешь.

— Беспредел, — подвёл итог небритый зэк. — Харэ, айда на жилку, шабаш.

Когда папа записал Ирену в секцию тхэквондо, она не могла даже произнести это слово. Потом втянулась, ей понравилось. Больших спортивных результатов она не достигла, один раз выступала в команде на кубке области, второй раз — на чемпионате города. А в жизни пригодилось. После встречи с хулиганами на бульваре Революции она прибежала домой, и её сильно трясло. Хотела выпить успокаивающих таблеток, но дома ничего не было. Пришлось пить коньяк. После третьей рюмки она перестала трястись и стала думать, что будет дальше. Они найдут её и убьют. Надо постирать одежду, на ней могли остаться следы крови. Вот если бы у неё был такой мужчина, как Виктор Дмитриевич, она бы не боялась. Ирена вздохнула, поблагодарила отца за науку, прижала Муську и уснула не раздеваясь.

Поработав за компьютером, Виктор прилёг на диван. Обычно он дремал пару часов, но сегодня не спалось. В голове вертелись графики отпусков, цифры отчётов, вспоминался разговор с Борисом о капитализации фонда. О дизайнерше он не вспоминал. Были мысли о ремонте. Когда начнут, он уйдёт в отпуск, а если не успеют закончить, возьмёт больничный.

Виктор взял, специально припасённую для бессонных ночей, книгу. Уже десять лет для сна они читали «Анну Каренину». Могуч был Лев Николаевич. Коллеги помоложе, засыпали, прочитав не более десяти страниц, Виктору приходилось читать пятнадцать, а то и больше. Он открыл роман.

«Да, что-то есть во мне противное, отталкивающее, — думал Левин, вышедши от Щербацких и пешком направляясь к брату. — И не гожусь я для других людей. Гордость, говорят. Нет, у меня нет и гордости. Если бы была гордость, я не поставил бы себя в такое положение». И он представлял себе Вронского, счастливого, доброго, умного и спокойного, никогда, наверное, не бывавшего в том ужасном положении, в котором он был нынче вечером. «Да, она должна была выбрать его. Так надо, и жаловаться мне не на кого и не за что. Виноват я сам. Какое право имел я думать, что она захочет соединить свою жизнь с моею? Кто я? И что я? Ничтожный человек, никому и ни для кого ненужный». И он вспомнил о брате Николае и с радостью остановился на этом воспоминании. «Не прав ли он, что всё на свете дурно и гадко? И едва ли мы справедливо судим и судили о брате Николае. Разумеется, с точки зрения Прокофья, видевшего его в оборванной шубе и пьяного, он презренный человек; но я знаю его иначе. Я знаю его душу и знаю, что мы похожи с ним. А я, вместо того чтобы ехать отыскать его, поехал обедать и сюда». Левин подошел к фонарю, прочел адрес брата, который у него был в бумажнике, и подозвал извозчика».

Но вдруг Виктор почувствовал движение. Это удивительное чувство бывает у охотников и сторожей. Виктор встал, осторожно открыв стеклянную дверь, и вошёл в зал. Пал Палыч смотрел на него и почти просвечивал. Он сидел за тем самым столом, за которым когда-то любил обедать.

— Доброй ночи, — поприветствовал Виктор Пал Палыча.

Тот кивнул на соседний стул. Виктор подошёл и сел.

— Чем могу помочь?

Пал Палыч молчал. Сидеть перед бывшим руководителем области Виктору было неуютно: когда тот бродил по коридорам здания — это одно, а когда сидит напротив и молчит — это другое. Даже у Виктора напряглись нервы.

Пал Палыч повернулся к окну, взгляд его был задумчивым. Виктор держался.

— Берегись, — тихо сказал призрак.

— Чего? — как-то поспешно спросил Виктор.

— Власти, — так же тихо сказал Пал Палыч.

— Благодарю, — ответил Виктор.

Пал Палыч встал и вышел в длинный коридор, ведущий к полицейскому посту. Виктор последовал за призраком, но в коридоре никого не оказалось. Он решил не пугать постового и вернулся к себе. Сон как рукой сняло. Он включил компьютер и открыл папку «Долги».

Утро пришло с чириканьем воробьёв на ёлке у окна, смена закончилась, и пора было ехать домой. Виктор собрался и доложил в отдел:

— Ноль один. Смену сдал.

Подъехал автомобиль, он сел и приказал: «Домой».

Ирена проснулась с больной головой, посмотрела на руки — следов вчерашней драки не было. Она заварила кофе, насыпала мяукающей кошке корм и легла в ванну. Муська сидела на крышке унитаза.

— Сегодня никуда не пойду, вдруг они следят, — сказала Ирена.

Муська лизнула правую лапу.

Виктор приехал домой, принял душ и лёг. В спальне у него были плотные шторы, но он всё равно надевал маску и затыкал уши. Сон был глубоким и без видений. Проснулся он после обеда, чувствовал себя как будто сплющенным, сделал зарядку, выпил кофе, принял душ и пошёл гулять. Во дворе встретил Ельфермана.

— Здорово, — помахал сосед.

— Привет, — в ответ махнул Виктор. — Ты почему не на работе, выгнали пенсионера?

— Суббота сегодня, шаббат, дорогой, — удивился Эльф.

— Точно, что-то я потерялся.

— Бывает, сильно занят, вот и заблудился.

— Точно, пока.

— Пока, — опять махнул рукой сосед.

За домом Виктор ускорил шаг, потом завернул в магазин и посмотрел сквозь стеклянную витрину, чтобы проверить, нет ли слежки. Хвоста не было. Он купил пирожное «Корзиночка», сунул его целиком в рот и подумал, что раньше они были крупнее и целыми в рот не входили. Экономят.

После магазина он пересёк пустырь по тропинке, натоптанной школьниками, и повернул, чтобы выйти проходным двором. Этот старый двор просматривался насквозь, и если кто войдёт после него, он заметит. Когда Виктор подошёл к арке и оглянулся, во двор входила девочка школьного возраста. «Оторвался», — решил он и успокоился. Трамвайная остановка была почти напротив, он сел в первый подъехавший трамвай и вышел на второй остановке. У дома с колоннами стояла белая машина. Виктор подошёл и сел на заднее сиденье.

— Здравствуйте, — не оборачиваясь, сказал водитель.

— Здравствуй, ну что у тебя? — надвинув кепку, спросил Виктор.

— Давят, грозятся детей взять в заложники.

— Далеко зашло.

— Серьёзные ребята.

— Это мы ещё посмотрим, не бойся раньше времени.

— А когда бояться?

— Дети где?

— У родителей в деревне, лето же, каникулы.

— Там безопасно?

— Там — Брестская крепость. Собаки, дед, дядьки, братья, — признался водитель.

— Далеко деревня?

— Почти двести километров.

— Что ещё?

— Требуют, чтобы ворота открыл и камеры выключил.

— Если машину грузить, на это время надо. Может, я чего не знаю? Что, кроме металла, можно взять? — спросил Виктор.

— Ничего там больше нет, товарищ начальник.

— Скажи, что камеры не можешь выключить, они автономно работают и пишут сразу на сервер.

— Скажу, а что с воротами?

— Сам открывать не будешь, скажи, что пустишь одного человека, пусть он ворота откроет, а тебя свяжет.

— А как я потом объясню, кто это?

— Кому?

— Ментам?

— Петров, какие менты? Надо, чтобы эти дебилы тебе поверили. Он зайдёт, дверь откроет, дальше — не твоё дело.

— А зачем так сложно?

— Хорошо. Если ты ворота откроешь, они тебя завалят. Потому что ты вроде как при деле. Они понимают, что тебя потянут в полицию и ты всё выложишь. Предложи вариант, как будто ты позвал знакомого, раньше на базаре в ларьке часто вместе бухали, случайно встретились, решили посидеть. Он сходил за пузырём. Им такая телега прокатит.

— Складно. А если прибьют?

— У тебя нет выбора. Если не согласишься, они тебя обязательно грохнут.

— Может, время потянуть?

— Не стоит, у них, наверное, горит. И не забывай, у них кто-то на базе есть. Откуда они знают о металле и где он лежит?

— Это понятно, так просто не зайдёшь, кто-то у нас стучит на работе. Вычислить бы его.

— Они наводчика не сдадут. Он подстраховался или вообще организатор. Когда у тебя смена?

— Послезавтра.

— Давай действовать. Спасать тебя надо. Со мной больше не встречаешься. Всю информацию будешь сообщать нашему человеку по спутниковому телефону.

— Как зовут?

— Без имён, Петров. Спутник не отследить. А мобилу могут потребовать показать. Мобильник у каждого есть. А про спутник никто не узнает. Если найдут, скажешь: на работе дали, новые правила, звонил только в отдел.

— А если пытать станут?

— Пусть звонят. Там ответят: отдел Центрального района. Спрячь в сейф, позвонишь, как будет информация. На всякий пожарный, если что пойдёт не по плану, в твою смену за воротами будут наблюдать.

— Страшно, Виктор Дмитриевич.

— Бывает, Никита. Не переживай, ты не первый. Такая у нас работа.

— Я же не думал, что так. Устраивался, думал: тихое место, два дня на одной работе, ночь тут. Деньги нужны.

— А кому не нужны? Поехали.

— Куда?

— Кружок дадим по району.

— Ага, понял.

Машина тронулась, Виктор прикрыл лицо рукой. Зазвонил телефон, он послушал.

— Притормози, — попросил Виктор.

— Сейчас, — ответил Петров и припарковался.

— Пока, — открывая дверь, сказал Виктор Дмитриевич.

Сзади подъехал автомобиль, Виктор быстро сел в него, и обе машины тронулись.

Ирена вышла из ванны и приготовила завтрак. Ей некому было позвонить и спросить, что делать. Отец — пожилой человек, живёт в другом городе. «Интересно, а этот Виктор Дмитриевич моложе отца?» — его идеальный образ не давал ей покоя. «А кто он? Начальник охраны? ФСБ? Точно, это они. Кто ещё? Вот бы ему позвонить и спросить. Но как?»

Знакомая в администрации, которая её рекомендовала, не была близким человеком. Они встретились в спортзале, и так случилось, что Ирена сделала ей проект ремонта квартиры в новом элитном доме на проспекте Ветеранов. Как у неё спросить: «Я была вчера в вашем здании, меня встретил мужчина Виктор Дмитриевич, вы его знаете?» И соврать: «Я там одну штучку забыла».

Ирена съела кашу с авокадо, бутерброд с маслом и сыром, два кусочка ветчины и варёное яйцо. Сегодня была суббота, она наметила, что позвонит в понедельник, а пока спрячется дома.

Почему она попадает в дурацкие истории? Откуда на нее свалились эти пьяные рожи? Наверное, можно было убежать, зачем она их била? Не стала же она бить Магомеда, смогла сдержаться. А вообще, это из-за администрации: если бы она шла днём, то уроды бы на неё не напали. Теперь один точно урод. Она слышала, как у одного хрустнул нос.

Всю жизнь она старалась сдерживаться, всего один раз вмазала бывшему. Он был хорошим парнем, но после того как она ему вмазала, сник, и они развелись. Ирена не боялась пойти на свидание с незнакомым мужчиной. Во-первых, она встречалась в людном месте, а во-вторых, днём. Бить человека ей было неприятно, даже на тренировках она не любила спарринги. Лупить по груше — совсем другое дело. «А закажу-ка я вина, всё равно выходной». И она открыла приложение, выбрала две бутылки красного чилийского, и к вечеру бродила по квартире, напевая песенки.

Виктор попросил водителя:

— Поехали на речку.

Его успокаивал вид могучей реки с плавным течением. По реке плыли теплоходы и шныряли моторки. С высокого берега можно было смотреть далеко. Виктор не думал, почему люди не летают, как птицы. Ему было и так хорошо. Он вышел на берег, подобрал пластиковую бутылку, вынул из кармана мусорный пакет и положил в него. Подойдя на обрыв, он нашёл пивную банку и пластмассовый тапок. Почему люди такие свиньи, спрашивал он у Бога, глядя в небо. Но Господь молчал.

Думать о делах не хотелось. Подготовкой операции захвата руководил Тимофеев. Виктор Дмитриевич ему доверял. Всё было проверено, отработано, оставалось только ждать. В этот раз ворьё не было оригинальным, наехали на сторожа, запугали и пригрозили.

Михаила Семёновича Тимофеева уважали, с обычными служащими он вёл себя как настоящий командир. Никогда не тыкал, даже к самому забулдыге обращался по отчеству. Очень давно Виктор помог Тимофееву занять должность. Миша пришёл сторожем на «Макаронку», учился в педе, приспичило подработать. На Макаронной фабрике тащили мешками. Тимофеев не разобрался и начал ловить. Остановил машину начальника цеха, тот пожаловался, и всё завертелось. Пришлось Виктору подключаться. А потом Михаил показал себя как преданный сотрудник, выходил не по графику на подмену, помогал товарищам, был на особых заданиях. После института Виктор предложил ему перейти в отдел. Теперь Михаил Семёнович Тимофеев — уже начальник отдела и свой человек. Например, Селезнёва пришла в управление со стороны и не понимает специфики, а на Тимофеева можно положиться.

«Что там, в дальней дали?» — спрашивал Виктор, глядя вперед. Мир такой большой, не хватит жизни обойти его весь. Хотя сейчас развелось невероятное количество путешественников. Они носятся по странам как кто? Виктор задумался. Раньше бы он сказал — как ошпаренные тараканы, но он давно не видел тараканов.

По вечерам он смотрел актуальные новости, и ему всё время подсовывали сюжеты тревел-блогеров. Один путешествовал автостопом, другой — на байдарке. Парочка молодых людей брали с собой в походы собаку. Зачем, удивлялся Виктор. Для неё надо тащить еду. В молодости он ходил в туристический поход с рюкзаком и палаткой, преодолел пять перевалов, забрался на высоту две тысячи метров, ел снег и мёрз под дождём. Их группа была из восемнадцати человек, и у гида была собака.

Глава 6. Час до заката

Воскресенье. Рано утром только взошло солнце, на окраине раздался взрыв. Затрясло половину города, зазвенели стёкла, задребезжали железки, поднялся столб дыма.

— Что? Где? — кричали люди.

Дети плакали, пожилые крестились. По радио передавали концерт популярной музыки.

С девятого этажа недостроенного дома было видно, как чёрный дымовой гриб растёт и закрывает солнечный диск. Картина была ужасающая. Когда бахнуло, Иван любовался восходом, когда вырос гриб, он спустился в подвал, достал противогаз, открыл недостроенный бункер-бомбоубежище и спрятался. Перед этим позвонил родителям и предупредил:

— Не теряйте меня, всё нормально.

— А что случилось? — спросила мать. Родители отдыхали в деревне за триста километров от города.

— Что-то сильно взорвалось, скоро узнаете. Мам, мне пора в бункер, там связи нет.

— Еда у тебя есть? — успела спросить мать. Но Иван не стал отвечать, а закрыл толстую металлическую дверь.

— Вот и проверим, — сказал он, перевернул пустое ведро от краски и сел.

Две секунды он ни о чём не думал, а потом стал рассуждать. Если атомный взрыв, то надо сидеть сутки, пока радиацию унесёт в сторону. Но сутки — это много. Сегодня у него служебные сутки, когда выпадало воскресенье, работали по двадцать четыре часа. День обещал быть прекрасным, он собирался загорать и даже позвать знакомую. Если не ждать сутки, а подождать час и проверить связь? Предположим, что дует южный ветер, взорвалось примерно на востоке, скорость ветра три или пять метров в секунду, дым полетит от города. Это уже хорошо. Но какой радиус у этого облака? Пусть его за минуту раздует на триста метров. За час его унесёт на восемнадцать километров. Я в центре. Город примерно десять километров в ширину. Пройдет полчаса и можно выходить. Тридцать минут дались ему нелегко. Высунувшись из бункера, он посмотрел в телефон. Связь работала.

На канале «ЧП» писали, что взорвался лакокрасочный комбинат. Опасности нет, облако уносит на юг. Иван поднялся на крышу, дым растянулся полосой вдоль горизонта, солнце поднялось выше дыма, и было даже красиво.

Виктор Дмитриевич после взрыва лёг и хотел уснуть, но не получилось. Он позвонил в отдел и спросил:

— Наши пострадали?

Его успокоили, что жертв нет.

— Повезло, — ответил он и положил трубку.

По воскресеньям он пёк блины. Это была традиция. В детстве мать каждое воскресенье пекла блины, и, просыпаясь, он чувствовал их запах. Потом блины пекла жена, и вот настала его очередь.

В девять позвонил Тимофеев.

— Доброе утро, не разбудил, Виктор Дмитриевич?

— Доброе утро, смеёшься?

— Ну да, так грохнуло. Я с кровати упал, — поделился подробностями Михаил.

— Говори, Михаил Семёнович, — Виктор всегда обращался к Тимофееву по имени-отчеству.

— Клюнули на металлобазе, согласились на наш план.

— Когда?

— Завтра. Всё готово, у нас четыре машины, два велосипедиста и мотоцикл.

— Велосипедисты зачем?

— На всякий случай. Они быстро едут, спортсмены из нашего общества.

— «Динамо»? — спросил Виктор.

— «Трудовые резервы», — на полном серьёзе ответил Михаил.

— Давай, работай. Удачи.

— И вам Бог в помощь, — сказал Тимофеев и положил трубку.

— Господи, «Трудовые резервы», — произнёс Виктор, макнул блин в варенье и откусил.

На последнем этаже строившегося дома не было песка, Ивану пришлось сходить четыре раза на этаж ниже и притащить два мешка, чтобы устроить пляж. Он положил утеплитель, на него постелил толстый полиэтилен, а сверху засыпал песком. Это не походило на берег моря, но для импровизации было терпимо. В бытовке он взял таз, налил в него воду, еще он привез два своих пластиковых стула — они валялись в гараже. Отец давно собирался увезти их на дачу, но забывал.

Иван выпил минеральной воды, солнце поднялось выше, можно было загорать. В одиннадцать позвонила Верунчик и сказала:

— Встречай.

Иван спустился, открыл ворота и обнял девушку.

— Привет.

— Привет.

— Пошли.

— Пойдем.

— Как дела? — спросила Вера.

— Нормально, — ответил Ваня.

— Видел взрыв?

— Видел.

— Испугался?

— Ну так…

— А я не видела, даже не слышала.

— Спала?

— Ага.

— Гриб был как от атомной бомбы.

— У нас окна на другую сторону.

Они без передышки поднялись на последний этаж строившегося дома. Вера сняла шорты и футболку, на ней был красный купальник в крупный белый горох.

— Море у тебя крошечное.

— Зато вид хороший.

— И дикий пляж.

— Может, даже нудистский.

— Хорошая идея, дёрни за верёвочку, — Вера повернулась к Ивану спиной. Он потянул завязки бюстгальтера. — Отвернись.

— Вот ещё.

— Как хочешь.

Вера осталась в трусиках, а Иван — в шортах.

— Обрызгай меня.

— Холодной или тёплой?

— Из шланга облей.

Шланг лежал в дальнем углу, Иван открыл кран и, прижав палец, устроил фонтан. Вера визжала и прыгала на месте.

— Хватит!

Иван выключил воду. Вера достала полотенце, вытерлась, села в кресло, надела очки, налепила на нос листок подорожника и развернула руки к солнцу.

— А где листик взяла? — спросил Иван.

— У дома сорвала, у нас там чисто.

— Ещё есть?

— Тебе не поможет.

— Почему?

— Ты уже загорелый.

— Нормально.

— Рассказывай.

— Что?

— Как взорвалось, ты видел?

— Видел. Тут стоял на рассвете, смотрел. Грохнуло, а потом столб стал расти. Солнце закрыл.

— Надо было сразу бежать.

— Я так и сделал. У нас бомбоубежище есть.

— Настоящее?

— Только не доделали.

— Хороший дом, со своим убежищем.

— Как в Израиле.

— Долго прятался?

— Полчаса выдержал и полез смотреть, что пишут.

— Принеси водички.

— Какой?

— Без газа.

Иван встал и пошёл к бочке, где организовал холодильник. В ней лежало несколько бутылок воды и лёд.

— Родителям успел позвонить, — протягивая бутылку, сказал он.

— Молодец. Заботливый.

— У вас всё нормально?

— Собака испугалась. Под диван залезла, всю пыль собрала, мама её вычистила. У нас почти не было слышно, впереди три высотки стоят, всё закрывают. И далеко от нас. Где этот завод?

— Там, — Иван показал на восток.

— А что за ним?

— Поля, наверное.

— И весь дым туда полетел? Ну нормально. Мы потом всю гарь будем есть.

— Наверное.

— Блин, Вань, надо валить. Здесь заводы взрываются, потом ещё какая-нибудь фигня.

— Куда валить?

— На Мальдивы. Ты же умный.

— Там тайфуны и эпидемии.

— Лучше тайфуны, чем взрывы.

— А ещё там пираты.

— Какие пираты в двадцать первом веке?

— Ты не слышала? — оживился Иван. — Настоящие пираты. Они захватывают яхты, требуют выкуп. Продают девушек в рабство.

— В рабство и в Турции можно попасть. У меня знакомая из стриптиза, в «Чарли» танцевала на шесте, поехала в Турцию на работу, у неё паспорт отобрали и заставили проституткой быть.

— И что?

— Сбежала, нашла русских, пожаловалась им, оказались нормальные люди, привезли в консульство. Там разобрались, смогла вернуться домой.

— Что делает?

— Эскортницей работает.

— В смысле, проституткой?

— Ну, как бы да. А что мы обедать будем? Я на завтрак один банан съела.

— Давай пиццу закажем. Или шашлык пожарим.

— Нифига себе, прям тут?

— Нет, на земле, там мангал есть и уголь.

— Это канитель разводить. Тогда пиццу.

— Заказывать?

— Давай подождём, позагораем. Вань, а я тебе нравлюсь?

— Да, — вдруг очень просто ответил Иван.

— А женишься?

— Когда?

— Началось.

Вера потянулась за бутылкой, сделала глоток, посмотрела на Ивана. Вытерла каплю, упавшую на грудь.

— Надо попробовать твой пляж.

— Только осторожно.

Верка встала перед Иваном, расставила широко ноги и медленно села на песок. А потом упала, раскинув руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.